

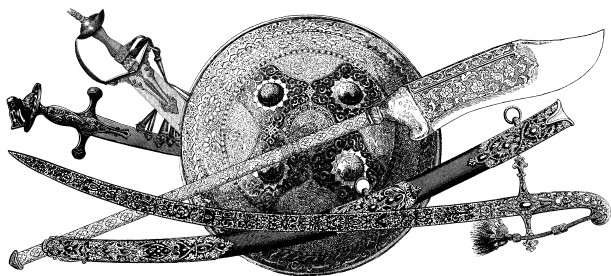

Тамерлан на троне.
Миниатюра XVIII в.
Национальная
библиотека, Париж

Тамерлан. Авто- биография, уложение

Москва
ЭКСМО
2005

Об этой книге

Эта книга дает читателям редкую возможность узнать «из первых уст» о жизни, мыслях и деяниях одного из величайших завоевателей в истории человечества — Тамерлана (1336—1405). Он воплотил в себе многие доблести и пороки, которые известны людям: хищный и удачливый воин, кропотливый создатель и яростный разрушитель, жестокий властитель и мудрый философ, изворотливый восточный правитель, Тамерлан сумел добиться того, о чем мечтают все рожденные властвовать и повелевать. Он покорил народы и страны, все его приказы выполнялись незамедлительно и беспрекословно, само его имя наводило ужас на врагов даже после его смерти.

Стратегемы успеха, которыми руководствовался «Железный хромец» (так переводится имя Тамерлан), давали блестящие результаты, и никто не мог противостоять его армиям, увлекаемым вперед могучей харизматической фигурой выдающегося полководца. Вместе с тем ученые восхищались образованностью Тамерлана, хотя формально он так и остался неграмотным.

Тамерлан

Будущий «властелин мира» родился 8 апреля 1336 г. в селении Ходжа-Ильгар, расположенном недалеко от города Шахрисабз, что на юге современного Узбекистана. Отцом его был бек Тарагай — мелкий землевладелец из тюркизированного монгольского племени барлас. Он нарек своего старшего сына Тимуром, что в переводе с тюркского означает «железный». После ранения, полученного в молодости, из-за которого у Тимура перестала сгибаться правая нога, к его имени добавилось прозвище «Ленг» — «хромой» (европейцы имя Тимур-и-ленга произносили то как Тамерлан, то как Тамберлен).

Это позже для великого завоевателя Тимур-Ленга придумали фиктивную родословную, чтобы связать его предков с Чингисханом, а начинал юный Тимур с малого: был предводителем шайки разбойников, грабившей проходящие караваны и соседей, — занятие в то время вполне обыкновенное. Однако природный ум, хитрость и дальновидность, умение владеть собой, а главное, честолюбие, позволили ему быстро завоевать расположение влиятельных людей. В это же время зарождалась и крепла его репутация истинного приверженца и поборника ислама.

В молодые годы Тимура его родина Мавераннахр (Туран) — крупная историческая область в центральной части Средней Азии — не имела единого правителя. Тимур становится вассалом амира Казгана, одного из влиятельнейших феодалов Мавераннахра, женится на его внучке и близко сходитя с амиром Хусейном, внуком Казгана.

Когда в 1360 г. Мавераннахр был захвачен Тоглук-Тимуром, хаканом Джете, Тимур поступил к нему на службу и получил во владение Кашкадарьинский вилайет — небольшую, но богатую область Мавераннахра. Тимур был обманут в своих надеждах, когда хакан Тоглук-Тимур передал власть над Мавераннахром не ему, а своему сыну Ильяс-Ходже. Поэтому он вместе с амиром Хусей-

Об этой книге

ном отказывается повиноваться Ильяс-Ходже и покидает Самарканд — столицу Мавераннахра.

В 1365 г. Тимур и амир Хусейн дают сражение войску Ильяс-Ходжи в Сеистане (Ташкентская область) и проигрывают его. В этом бою Тимур был ранен в правую руку и правую ногу, после чего его рука усохла, а хромота осталась на всю жизнь. В 1366 г., после того как в битве с самаркандским ополчением войска Ильяс-Ходжи были разбиты, а он сам изгнан из страны, Тимур и амир Хусейн возвратились в Самарканд на правах соправителей Мавераннахра.

С этого времени начинается заметное охлаждение в отношениях между двумя союзниками. Амир Хусейн начинает то и дело нарушать договоренности, существующие между ним и Тимуром. В конце концов, в 1370 г. амир Тимур предпринимает поход на Балх — укрепленную резиденцию амира Хусейна, после взятия которой амир Хусейн был убит. В итоге Тимур получает всю полноту власти над Мавераннахром, а Самарканд, крупнейший город страны, становится столицей будущего «властелина мира».

С этого времени Тимур-Ленг, «Железный хромец», уже прямо движется к своей давней и заветной мечте — завоеванию всего мира. Он создает большую армию, состоящую из пехоты, осадных подразделений и кавалерии. Одной из его новаций в военной тактике было введение в бой первыми пехотинцев, конница же выступала только после того, как пехота нарушала боевые порядки противника.

Завоевательная стратегия Тамерлана отличалась чрезвычайным разнообразием вариантов, но одно оставалось неизменным: он вел войны не столько ради формального присоединения новых земель, не из-за «территориальной булимии», сколько из-за экономических и политических соображений. В некоторых землях он оставлял у власти побежденных правителей, принимая у них

Тамерлан

вассальную клятву, другие земли получали в управление его сыновья, третьи отдавались во владение приближенным военачальникам. Все далекие завоевательные походы Тимур совершал для того, чтобы захватить богатую добычу и вместе с тем не дать возвыситься никому из соперников.

Показательна история с ханом Тохтамышем, которого Тамерлан вначале поддерживал и в военном и в экономическом отношении, но затем, когда тот возвысился и стал демонстрировать непокорность, разгромил его. Решающей в их столкновении стала военная экспедиция 1391 г., когда Тимур во главе двухсоттысячного войска двинулся через казахские степи на север. В память об этом событии Тимур приказал по пути высечь на камне надпись, сохранившуюся до настоящих дней, — «Правитель Турана Тимур пошел за кровью Тохтамыш-хана».

Войска Тимура и Тохтамыша встретились 18 июня 1391 г. между нынешними Самарой и Чистополем. В жестоком бою Тохтамыш потерпел сокрушительное поражение. Оно оказалось тяжелым ударом для всей Золотой Орды, и это когда-то мощное государство прекратило существование. Тохтамыш собрал новое войско, но и оно в 1395 г. было разбито Тимуром в битве на Тереке. Так все земли Золотой Орды оказались в руках Тимура. Столицу Золотой Орды — город Сарай-Берке — он разграбил и сжег дотла.

Преследуя Тохтамыша, Тимур дошел до старинного русского города Ельца, где разбил вышедшее ему навстречу войско русских князей. Однако завоевание обескровленных и нищих русских княжеств не входило в планы Тимура, и в 1396 г. он вернулся в Самарканд.

В 1380-х гг. Тамерлан совершил ряд других походов. Он овладел Хорасаном и Афганистаном, установил контроль практически над всей Персией и вплотную подошел к границам Индии.

Об этой книге

В 1390-х гг. у него появляется план похода на дальний Запад. Однако эта идея встретила сопротивление со стороны самаркандской аристократии, опасавшейся, что война на западных рубежах исчерпает все ресурсы страны.

Тогда Тимур предложил совершить с исключительно грабительской целью поход в Индию. Он начался в 1398 г. и завершился падением и разорением городов Северной Индии. Тимур дошел до Ганга, разграбил Дели и с огромной добычей, позволившей ему выплатить жалование своим войскам за семь лет вперед, возвратился в Мавераннахр, чтобы подготовиться к походу на Запад.

Этот поход начался в 1400 г. В итоге Тимур подчинил себе Сирию, разбив войска египетского султана Фараджа, и вторгся в Малую Азию. Там в 1402 г. произошла битва между армией Тимура и войском османского султана Баязида I. Несмотря на примерно равную численность войск противников, Тимур, блестяще используя преимущества своей конницы, нанес Баязиду сокрушительное поражение, а сам султан попал в плен.

Вернувшись в Самарканд, Тимур стал готовиться к походу на Китай, о котором мечтал много лет. В конце 1404 г. двухсоттысячное войско Тимура двинулось на восток. Однако план завоевания Китая Тимуру осуществить не удалось: 18 февраля 1405 г. он умер, так и не успев пересечь границы Поднебесной. По преданию, это случилось в холодную ночь, когда Тимур, чтобы согреться, выпил чересчур много вина. Его тело было перевезено в Самарканд и похоронено в мавзолее Гур-Эмир.

С тридцатипятилетнего возраста и до самой смерти Тимур вел непрерывные войны, и за это время не раз проявил себя как суровый завоеватель, исключительную жестокость которого подчеркивали многие, — кто же не знает о пирамидах из вражьих черепов? Но опираясь на публикуемые в настоящем издании материалы, необходимо отойти от упрощений.

Тамерлан

Милосердие Тимуру было известно, он умел прощать, и только трижды провинившийся перед ним обрекался на смерть. Тимур уважал храбрость, и плененный вражеский воин, проявивший ее в бою, неизменно получал предложение поступить к нему на службу. Если такое предложение принималось, воин становился равным среди равных; и напротив, если кто-то из воинов Тимура во время битвы переходил на сторону противника, правитель считал его своим личным и заклятым врагом, — и то и другое было для Тимура обыкновенным проявлением справедливости. Всегда противник Тимура получал предложение сдаться, и в случае согласия все обходилось относительно бескровно. За всем этим и многим другим явно прослеживаются следы личного воинского кодекса, которому Тимур — а он был прежде всего воином — неизменно следовал.

Но всего перечисленного было бы недостаточно, чтобы называться джехангиром — властелином мира. Такое высокое звание предполагало не только умение воевать, оно требовало искусства управлять завоеванными землями. Тимур преуспел и в этом, проявив себя как мудрый правитель и законодатель.

Представители различных течений в исламе, ученые всех областей знания, путешественники были непременно участниками бесед Тимура, и многие из них поражались его эрудиции и интеллекту. Им открывалось другое лицо беспощадного воина — лицо оригинального философа-политика, имевшего свое, глубоко самобытное представление о природе власти, лицо философа-воина, убежденного в том, что «все пространство населенной части мира не стоит того, чтобы иметь двух государей». Интересно отметить, что, по мнению некоторых военных историков, стратегические и тактические приемы, разработанные Тимуром, были восприняты не кем иным, как Наполеоном, который якобы только удачно копировал их, что явилось основой блестящих побед «джехангира» Нового времени.

Об этой книге

По воле Тимура строились медресе и мавзолеи, мосты, караван-сарай, ирригационные сооружения не только в Самарканде и Бухаре, но и близ Ташкента, в Ферганской долине, в районе Кабула. Он восстанавливал разрушенные войнами города, например Багдад. Все это как-то не вяжется с примитивным образом «жестокого кочевника» (выражение Джавахарлала Неру), каким иногда представляют Тимура. Не вяжется и тот факт, что сын этого «жестокого кочевника» Шарух пожелал собрать богатую библиотеку, в которой почерпнул многое его сын Улугбек — всемирно известный просветитель, астроном и математик. Нет, личность Тимура гораздо сложнее, что подтверждает-ся вошедшими в предлагаемое издание письменными памятниками.

На основные особенности исторической эпохи, к которой восходят произведения, включенные в данную книгу, указывает в своей статье российский востоковед В. А. Панов. Он является автором перевода «Автобиографии Тимура», впервые опубликованного в 1934 г. знаменитым издательством «Academia». Этот перевод сделан с рукописи, которая была найдена во второй половине XIX в. в Бухаре. В свою очередь, она представляет собой перевод с персидского языка на джагатайский (староузбекский тюркский), который был выполнен по поручению кокандского хана Мухаммед-Али ходжентским кадием (судьей) Набиджан-Хатыфом в 1835 г.

Статья В. А. Панова и его перевод «Автобиографии Тимура» открывают настоящее издание. Однако «Автобиография», которая прерывается по неизвестным нам причинам на 39-м году жизни Тимура, является неоконченной. Этот недостаток восполняется включением в книгу перевода так называемого «Уложения Тимура».

«Автобиография» и «Уложение» — две редакции одного и того же произведения. Включение обеих редакций в структуру единого издания ни в коем случае нельзя считать избыточным, — они дополняют друг друга, поскольку, во-первых, дошли до нас разными путями и поэтому в совпадающих частях имеют расхождения

Тамерлан

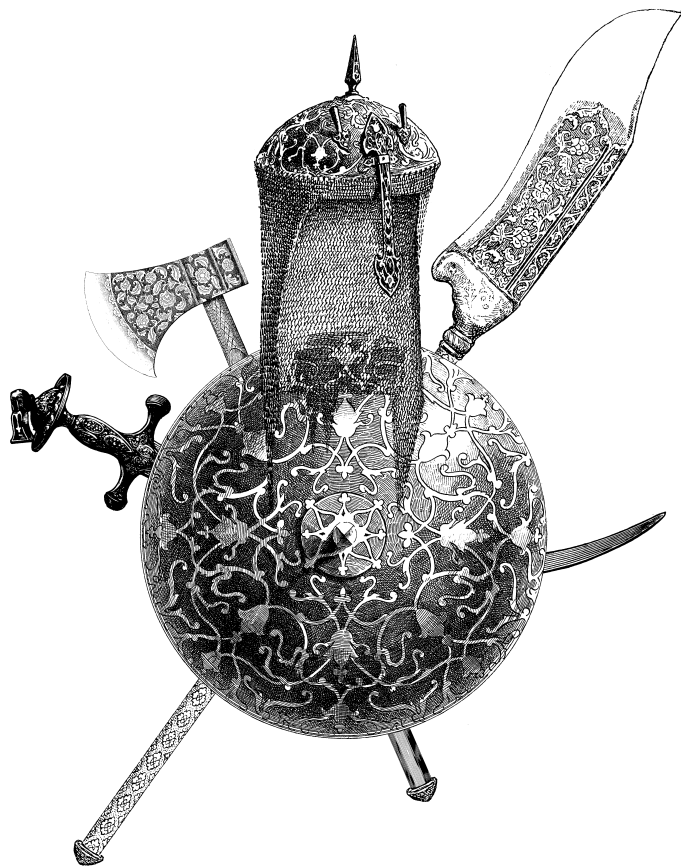
в изложении фактов и серьезно различаются языком переводчиков. Во-вторых, «Уложение» представляет собой редакцию, более емкую в информационном отношении и более сложную в структурном. Это исторический труд, в котором изложена полная автобиография Тимура (часть I) и сформулированы взгляды этого выдающегося государственного деятеля на управление государством и войском (часть II).

Первоначально «Уложение» было составлено на староузбекском (джагатайском) языке. Один из списков «Уложения» в XVII в. хранился в библиотеке йеменского правителя Джафара-паши. Тогда же с него был сделан перевод на фарси. Переводчиками были Абу-Талиб ал-Хусайни и Мухаммед Ашраф-Бухари. Благодаря им «Уложение» дошло до нас; дальнейшая судьба рукописи на староузбекском языке (списка с оригинала) неизвестна.

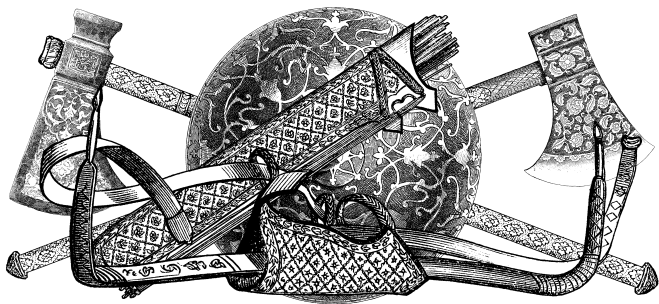
«Уложение» получило широкую известность во всем мире, о чем свидетельствуют факты многочисленных переводов на английский, французский, русский, узбекский и другие языки. В Европе перевод «Уложения» впервые был опубликован в 1783 г. — это так называемый перевод майора Деви (Англия). Перевод на французский язык был издан Л. Ланглэ в Париже в 1787 г. Благодаря последнему изданию русские читатели познакомились с «Уложением»: перевод с французского был выполнен в Ташкенте под редакцией Н. П. Остроумова и опубликован там же в 1893 г. Этот же перевод в адаптированном виде включен в настоящее издание, причем в большинстве принципиальных моментов он уточнен.

«Сказания о Чингисхане и Аксак-Темире (Хромце железном)» интересны ярко выраженным присутствием элементов фольклора. События, излагаемые в «сказаниях», погружены в сказочную атмосферу, что придает такому повествованию особый колорит.

Лео Яковлев

Владыки Востока

От переводчика

В основу перевода «Автобиографии Тимура» положена тюркская рукопись, найденная в Бухаре и представляющая собой перевод с персидского, сделанный Наби-джан-Хатыфом в 1251 году хиджры (1835 год христианской эры). Первый русский перевод с этой рукописи был сделан Нилом Лыкошиным, под заглавием «Автобиография Тамерлана (родился в 1333 г., умер в 1405 г.)», Ташкент, 1894. Данный перевод, хотя и близкий к подлиннику, является тяжелым и в ряде мест неточным. В настоящей книге предлагается попытка нового перевода с *этой же* рукописи.

«Богатырские сказания о Чингисхане и Аксак-Темире (Хромце Железном)» переведены с джагатайской рукописи

В. А. Панов

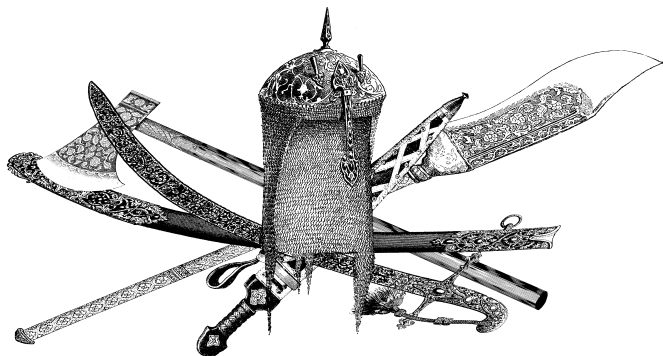
XVII века, хранящейся в Британском музее (шифр: atdd II, 725); рукопись эта дает варианты сравнительно с рукописью Оренбургской ученой архивной комиссии, с которой был сделан перевод А. В. Васильева и Г. Г. Балгимбаева.

Во введении к переводам даны общие сведения о Средневековье Востока, историческом облике Чингисхана и Тимура, научно-исторической ценности и литературно-художественной морфологии «Автобиографии» и «Сказаний».

В примечаниях переводчик старался по возможности подробно осветить основные проблемы ислама, особенности «военно-магического» уклада эпох Чингисхана и Тимура, а также проследить на ряде конкретных примеров судьбу обоих «джехангиров».

В том и другом переводе в квадратных скобках даны необходимые дополнения к старинному тексту; в круглых — пояснения к нему.

Посвящается светлой памяти В. В. Бартольда.

I. Особенности Средневековья Востока

Современного читателя больше всего, вероятно, поразит необычайный, но очень ярко выраженный стиль эпохи, к которой относятся «Сказания» и «Автобиография».

С первых же страниц попадаешь в благоухающий сказочный мир, который как-то незаметно, полутонами и причудливыми нюансами, переплетается с серым миром обыденной жизни. И в «Автобиографии» и «Сказаниях» царит какое-то неуловимое сочетание реального и фантастического; легкое веяние мечты и гири самой прозаической реальности то и дело сменяются на весах рассказа, только в «Сказаниях» фантасти-

В. А. Паноф

ка вставлена в оправу реальности, а в «Автобиографии», наоборот, реальность выступает в окружении сверхъестественного.

Говоря общо, перед нами — блестящий стиль Средневековья (как он удивительно сходен и на Востоке и на Западе!): *симбиоз мистики, вернее, магии, с феодально-племенным укладом жизни.*

Война здесь — основная стихия жизни; на наших глазах, как в калейдоскопе, мелькают в самых разнообразных комбинациях крупные и мелкие амиры, точная копия феодальных сеньоров Запада, окруженные богадурами-рыцарями; амиры то и дело вступают между собой в союзы, изменяют друг другу, составляют заговоры, хитрят и непрерывно воюют, берут крепости, сражаются...

На кого пали стрелы судьбы, тот нередко из амира, крупного феодала, превращается в атамана шайки бродяг-разбойников, скитается по степям, грабит проходящие торговые караваны, а то просто ворует стада своих же подвластных людей. Но ему может снова улыбнуться счастье: громкие подвиги, богатая добыча привлекают много сторонников, шайка разбойников растет, и атаман снова превращается в амира. Между амиром и атаманом, между регулярной армией и шайкой удальцов-разбойников — различие только количественное, а не качественное.

В редкие минуты, когда почему-либо нет войны, амиры забавляются охотой, устраивают пиршества и праздники и очень редко занимаются своим хозяйством: конями, верблюдами, баранами и рабами.

Владыки Востока

На принудительном, рабском труде зиждется блестящая военная стихия амиров; где-то внизу, очень далеко, под горизонтом наблюдателя, двигаются и работают хозяйственные пружины жизни; их не различишь и не заметишь за сверкающей военной сутолокой; создается невольное впечатление, будто эта сутолока — нечто самодовлеющее, являющееся не только фасадом, но и фундаментом всей тогдашней жизни.

Конечно, авторы наших произведений очень хорошо знали незаметную, как бы мнимую для них сторону своей жизни, но стоило ли обитателям «верхних этажей» говорить про обыденное и потому скучное среди блеска и шума слишком заметного, говорить про грязь и убожество подвалов? Своеобразная периферийность наблюдателя и читателя той эпохи, конечно, обусловлена своеобразной познавательной призмой наших авторов. Пословицу «Не все то золото, что блестит» усвоили лишь последующие поколения наблюдателей.

Другая стихия жизни — постоянное передвижение населения. Если бы мы могли взглянуть с высоты полета аэроплана или дирижабля на тогдашнюю Монголию, на области Джете (теперешний Восточный Туркестан, Джунгария и Семиречье) и Мавераннахра (область между Сырдарьей и Амурдарьей), на Персию, Афганистан, Ирак, Малую Азию, Сирию, мы увидали бы непрерывно движущиеся взад и вперед человеческие точки в больших или меньших количествах: то передвигаются амиры с богадурами и воинами, то — рабы с табунами коней, с верблюдами и овцами, то среди бушующих волн войны движется купеческий караван; все течет и меня-

В. А. Паноф

ется, кочует, идет походом или бежит от врага; *хозяйство движется так же, как и война*; кибитка, юрта, лагерьный стан равнозначны городам и укрепленным рвом, валами и стенами крепостям.

Итак, *кочевое рабовладельческое хозяйство, питающее войну и питающееся войной, одетое в блестящую военную оболочку*, — *главный тонус той эпохи*.

Война порождает героев, людей, выдававшихся своими физическими качествами — в условиях поединков или рукопашных боев той эпохи — или хитростью, цепкими, изворотливыми, эластичными качествами воина-дипломата, как сказали бы мы сейчас; на верхних этажах жизни вырабатывались индивидуальности; каждый амир — молодец на свой образец, личность с очень определенными и характерными чертами, с чеканным именем; за ним тянутся богадуры, фигуры менее яркие, и остальные сородичи — большая серая масса, только оттеняющая в глазах писателя и читателя той эпохи личность вождя. Общество той эпохи похоже на остроконечный конус с ярко выдающимся шпилем и обширным основанием, составленным из родовых и племенных групп; эти группы — основные клетки и хозяйственного и военного уклада той жизни.

Но наши «Богатырские сказания» и «Автобиография» дают нечто большее, именно феодальное общество в процессе объединения и экспансии, они рисуют яркие образы «джехангиров» — покорителей и владык мира. Джахангиры ведут

Владыки Востока

за собой десятки и сотни тысяч вооруженных людей в разные концы мира, на далекие тысячеверстные пространства и опустошительным смерчем сносят все на своем пути; Мать Сыра Земля дрожит от несметных полчищ, самые прочные крепостные степы рушатся при появлении необозримых войск человека, который находится под особым покровительством судьбы, родился и живет, как говорили тогда, под счастливой звездой.

Каковы судьбы джехангиров, как возможна такая необъятная власть, зачем нужны миру такие владыки? Такова воля какого-то высшего «мира тайн»... Вот тут-то мы и соприкасаемся со второй главной особенностью эпохи, диалектически сопряженной с первой, — мистикой и магией.

Для людей той эпохи движущие силы человеческой жизни и человеческой истории скрыты не здесь, на земле, в очень реальных, подчас очень низменных сторонах человеческой природы, а в каком-то ином мире, который тем не менее тесно соприкасается, а то и сплошь переплетается с нашим, земным. Между двумя мирами не существует непроходимых граней; наоборот, мир высший и низший, земной, образуют очень цельный и прочный комплекс, и при этом образуют его так, что *наш мир является очень отдаленной периферией и смутной эманацией другого...*

Суровые и жестокие воины, амиры и богадуры, покорно подчиняются воле своих прозорливых духовных наставников — шейхов, кутбов и пиров, непрерывно обращаются

В. А. Панов

к ним за советами и гаданиями в трудные минуты жизни и без их разрешения не начинают сколько-нибудь трудного предприятия, мало-мальски сложного дела. Шейхи и пиры, по представлениям людей той эпохи, вхожи в «мир тайн», хорошо знают пути высшего мира и потому смело могут руководить людьми, которые знают одни только смутные дороги этого мира: ведь эта дорога — лишь слабая и бледная тень путей иного мира, и непременно должен заблудиться тот, кто без руководства тайновидцев осмелится один ходить по тропкам земли.

Кроме провиденциальных людей, шейхов и пиров, из «мира тайн» являются и другие посланники: вещие сны, неведомо откуда раздающиеся голоса, прорицания Корана — священной книги, прочитанной самим Аллахом своему последнему и самому главному посланнику на земле, Мухаммеду, наконец, своеобразная, загадочная конфигурация небесных светил.

Вещие сны открывают неизвестное, полное загадок будущее: они — светочи на путях иного мира для здешних темных людей. Бродишь по мрачным пустыням или роскошным, полным благоухания садам, видишь ужасных духов, странных животных и птиц, слышишь удивительные звуки и получаешь самое точное знание о будущем, словно перелетаешь на крыльях сна, как на машине времени, по неведомым далям той жизни, которая еще не наступила, но непременно наступит после той, какая идет сейчас; сны прилетают невесть откуда, но как раз в самую нужную минуту к особым, отмеченным перстом Аллаха людям, чтобы раскрыть судьбу незрячим глазам.

Владыки Востока

Такой же силой обладают и голоса из «мира тайн», вещающие в самых запутанных казусах жизни, какой дороги нужно держаться джехангиру. Оттого-то он и джехангир, что только ему одному послан дар слышать эти голоса, и потому-то он всегда поступает удачно и верно, захватывает первые, самые лучшие места на арене жизни, далеко впереди серой, ничего не слышащей массы средних людей.

А когда не снятся сны и не слышно голосов, а нужно непременно знать, как идти по запутанным, извилистым линиям, как выбраться из лабиринта непонятной жизненной обстановки, тогда берут священную книгу и открывают место как будто наудачу, а на самом деле руководствуясь тайным голосом судьбы: открывающееся место из Корана непременно укажет верный путь из лабиринта.

Или наблюдают расположение и движение небесных светил и по звездной книге читают самые запутанные чертежи в книге земной жизни. Та или иная комбинация звезд дает в качестве своих неизбежных следствий те или иные ряды будущих событий.

Окруженный магическим орнаментом, джехангир, главный герой наших «Сказаний» и «Автобиографии», занимает свое особенное место в стиле эпохи. Он — дверь, через которую проходят гости иного мира, он — маг, который насаждает на земле волю судьбы, он — видимый руководитель человеческой жизни и человеческой истории, он — живое

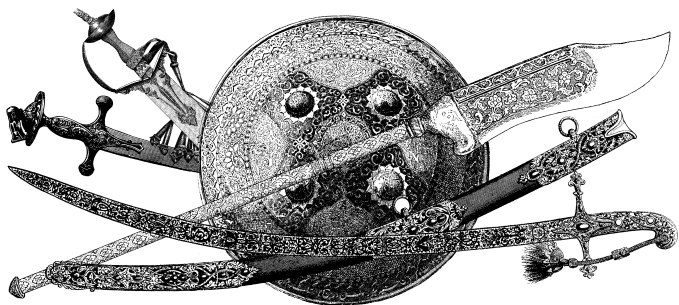
В. А. Паноф

воплощение самых высоких нравственных качеств, он — идеальный воин и военачальник, дипломат и хитрец, хозяин и администратор, первый служитель Аллаха, привратник и ключарь его царства, он — объединитель мелких, разрозненных феодально-племенных кусков жизни в великую мировую «империю», он — представитель великой семьи джехангиров, которые таинственно сменяют друг друга на протяжении всей человеческой истории, не дают людям замкнуться в тесноте своего муравейника, выводят их на широкую мировую арену. В глазах писателей и читателей той эпохи джехангир как бы прерывает обычный, нормальный ход жизни с тем, чтобы возвести ее на неизмеримо высшую ступень развития. Сама эпоха в целом в «Богатырских сказаниях» и в «Автобиографии» взята в особом аспекте какого-то приспособления к небывалым, чрезвычайным задачам жизни мира!

Читатель наших дней привык начинать с хозяйственной структуры жизни и от нее как бы *подниматься* к социальным отношениям, политическому укладу и к идеологии; писатели тех дней нисходили от джехангира к амирам, богадурам и совсем уже под горизонтом жизни и наблюдения — к рабам, — *instrumentis vocalibus* хозяйственного фундамента истории. Вот эту предпосылку «перевернутого мировоззрения» нужно всегда иметь в виду при оценке «Богатырских сказаний о Чингисхане и Аксак-Темире (Хромце Железном)» и «Автобиографии Тимура» как исторического источ-

Владыки Востока

ника. Не мешает, однако, помнить, что в «Богатырских сказаниях» былинно-сказочные эпические волны заливают почти сплошь реальное ядро, между тем как в «Автобиографии» — на первом месте очень жизненные мотивы феодального, военно-магического уклада.

II. Исторический облик Чингисхана и Тимура

Каков исторический облик, реальная канва жизни и деятельности двух главных персонажей наших произведений — Чингисхана и Тимура?

Чингисхан и Тимур создали (первый в XIII веке, второй в XIV и начале XV века) большие политические объединения мириад людей — будем условно называть их империями. Империи в этом смысле непрерывно являются в истории человечества в качестве надстройки над самыми разнообраз-

Владыки Востока

ными социально-экономическими образованиями. Они носят то устойчивый характер, то эфемерный, особенно когда движение возглавляется крупной личностью; наконец, империи бывают то «сплошными», то «лоскутными», составленными из самых разнообразных историко-этнических кусков.

Империи Чингисхана и Тимура падают на эпоху феодализма, носят лоскутный характер; империя Тимура — эфемерна, империя Чингисхана — более устойчива.

Ход жизненной деятельности Чингисхана на основании ряда источников можно нарисовать в таком виде.

Его первоначально звали Темучином; родился он приблизительно в 1155 году христианской эры на берегу Онона, в Монголии, его отец Исуген-богадур пользовался некоторым влиянием среди окрестных племен, но после его смерти семья вынуждена была скитаться по лесам, питаясь кореньями и дичью.

Темучин, выдававшийся физическими и умственными силами среди своих сверстников, набрал из них шайку удальцов и сначала занимался мелкими разбоями-набегами на соседние племена; число его приверженцев, привлеченных удальством, постоянными удачными набегами и обильной добычей, все росло.

Дальнейшую деятельность Темучина как завоевателя можно разделить на два далеко не равноценных периода: до великого «курултая» (собрания племенных вождей) в 1206 году и от «курултая» до смерти в августе 1227 года.

В. А. Паноф

Первоначальный улус Темучина состоял из земель на верховьях рек Талы, Керуляна и Онона с их притоками. До 1206 г. он не задавался определенными завоевательными целями; он только искусно маневрировал среди окрестных враждебных племен: пользуясь центральным положением своего улуса, он нападал по отдельности на сильные племена, предупреждая их возможные набеги, и то хитростью, то подарками не давал соединяться против себя большим отрядам чужих воинов. Неизбежным, хотя и малосознательно достигнутым результатом этого было объединение к 1203 году Восточной Монголии и к 1205 году — объединение Западной Монголии.

1206 год — год великого перелома в жизненной деятельности Темучина; великий курилтай наглядно показал Темучину, что он владеет всеми племенами Монголии, что ему подчиняются все ханы; он принимает имя Чингисхана («хана ханов») и первым делом устраняет суверенитет «нючжей» (владык Северного Китая). С этого момента он начинает все более сознательную деятельность, направленную на завоевание окружающих государств.

Помимо нючжей и государства Сун (Южный Китай), срединная полоса Азии от Тихого океана до Каспийского моря слагалась из трех больших государств: 1) Тангутское (Тибет), 2) Кара-Китайское (Восточный Туркестан и западная часть пустынь Гоби и Шамо) и 3) Хорезмское (Мавераннахр, Туркменистан, Таджикистан, Хорасан). Чингисхан начал свои сокрушительные удары с государства тангутов; до сих пор он удачно воевал с кочевыми народами, противопоставляя свою

Владыки Востока

лихую конницу коннице соседей; теперь ему пришлось вести войну с оседлым народом, бороться с пехотой, брать штурмом крепости. В ранних тангутских походах (1206, 1207 и 1209 гг.) он приобрел недостающие ему навыки, подготовил войско, способное на дальние походы, на борьбу с разными видами пеших воинов, научился при помощи лестниц и стенобитных орудий штурмовать и брать крепости.

С 1211 года Чингисхан начинает знаменитый поход на своего прежнего сюзерена, владыку Северного Китая, чтобы окончательно утвердить свой суверенитет в глазах народов мира. В июне 1215 года под его ударами пал Пекин; к 1218 году было завоено Кара-Китайское государство, и на курилтае в 1218 году Чингисхан решил идти на Запад, предоставив закончить завоевание Северного Китая своим военачальникам. С 1220 по 1224 год длится ожесточенная борьба с владыкою Хорезмского государства, Мухаммедом. Чингисхан последовательно захватывает все хорезмские улусы вплоть до степей Южной России (знаменитая битва при Калке в 1224 году, в которой монголы одержали решительную победу над русскими князьями).

Последние годы своей жизни (1226 и 1227) Чингисхан посвятил окончательному завоеванию государства тангутов. Таким образом, Чингисхан, начав с маленького, бедного улуса в Монголии, объединил всю Монголию, свергнул иго китайцев, сам покорил Северный Китай, объединил в своих руках Среднюю Азию и теперь уже ставил задачу овладеть всем миром, сделаться джехангиром.

В. А. Паноф

На великом курилтае было решено в восемнадцать походов овладеть миром, и прежде всего Европой; на долю Батыя выпал первый и, к счастью для Европы, последний поход на дальний Запад.

Завоевание Азии и трения между преемниками «Великого хана» отвлекли внимание монголов от Западной Европы. Только восток Европы на долгие годы подпал под монгольское иго.

Как некогда Александр Македонский своим неслыханным по масштабу походом в Азию запечатлел свое имя в памяти бесчисленных народов на долгие века, так и Чингисхан навеки запечатлелся в памяти народов, населявших Азию. Двигавшийся непрестанно вперед, неумолимый, как судьба, всегдашний победитель, не разборчивый в средствах, истребитель бесчисленных мириад людей, сокрушитель славных и могучих городов, а вместе с тем и искусный организатор своих бесчисленных полчищ, мудрый правитель необъятной азиатско-европейской империи и великий законодатель!

Его преемники с большим благоговением хранили и соблюдали правила искусства воевать, выработанные в великих походах при Чингисхане; они жили его мудрой наукой истреблять или ослаблять покоренные сильные народы, чтобы избежать впоследствии восстаний, ассимилировать кочевников и эксплуатировать оседлых, выжимая в качестве дани все соки покоренного народа, как это было на Руси; его сборник законов, известный под именем «Яса», остался навсегда основой права азиатских кочевых народов, успешно конкурируя с Кораном и юридическими нормами, выработанными буддизмом.

Владыки Востока

Со времен Чингисхана на долгие годы утвердился особый социально-хозяйственный тип государства: феодально-племенной уклад жизни в могучих рамках обширной централизованной империи с правильно налаженной администрацией и судом, с жестко и планомерно устроенным войском, с мастерски организованным симбиозом между кочевниками-владыками и оседлыми подданными.

Другой джехангир — «сахиб-уль-кырам» (рожденный под счастливым сочетанием планет), «великий амир», Аксак-Темир (Хромец Железный), Тимур-Ленг, Тамерлан, как называли его народы «Рума» (европейцы), — разрушал и строил наподобие Чингисхана, только прикрываясь тяжелой мантией ислама. Ислам придал своеобразный колорит политическому оформлению нового джехангира, создал новую теорию власти, дал парадоксальное оправдание всем уловкам и изгибам умного и хитрого деспота, который создал в XIV веке в Средней и Передней Азии империю на обломках прежней — Чингисхана.

В начале своего жизненного пути Тимур (он родился 9 апреля 1336 года христианской эры) испытал немало превратностей судьбы. В его детстве и юности Мавераннахр, его родина, распадался на множество феодальных земель, владельцы которых, тюркские амиры, вели ожесточенную войну всех против всех. Тимур основательно выварился в котле этих непрерывных боев и хитростей, прикрытых зна-

В. А. Пано́в

менем посланника Аллаха Мухаммеда и возведенным им Кораном.

Сначала Тимур с добродетельным видом маленького человека, всем обязанного великому, был вассалом Казгана, главы тюркских амиров, женился на его внучке, по крохам собирал феодальные объедки, падавшие со стола Казгана; тут он проходил первую практическую школу военно-политических и дипломатических наук той эпохи, выучился распознавать людей и умело ими пользоваться в самых сложных обстоятельствах феодальной анархии и дезорганизованности.

Казган пал жертвой заговора своих амиров, но Тимуру удалось выплыть на поверхность бурлящего политического моря в роли одного из триумфиров, владевших Самаркандом, будущей столицей джехангира. Теперь его манит мечта избавиться силой или хитростью от других феодалов Мавераннахра и сделаться «справедливым и милостивым» самодержцем.

Мечты были прерваны нашествием в Мавераннахр потомка Чингисхана, хакана Джете Туклук-Тимура. Местные феодалы не решились бороться с грозным нашествием; они или спасались бегством в соседние страны, или спешили униженно подчиниться. Тимур, рассчитывая использовать уроки прошлого при Казгане, немедленно подчинился хакану и задумал далекую хитроумную комбинацию — войти в полное доверие к Туклук-Тимуру и с его помощью сделаться владыкой Мавераннахра. Его планы потерпели крах: Туклук-Тимур передал полноту власти своему сыну Ильяс-Ходже, а Тимура сделал только главным амиром воинов Мавераннахра.

Владыки Востока

Честолюбивый Тимур не снес жестокого удара по самолюбию и попробовал самовластно распоряжаться в Мавераннахре, прикрываясь благочестивыми намерениями защитить потомков Мухаммеда от насилия пришельцев из Джете, узбеков-язычников. Но Тимур был еще слишком слаб для борьбы с Джете. Он сразу лишился власти и почета, с небольшой кучкой своих родичей и приверженцев, отчаянных головорезов, должен был бежать из Самарканда и скитаться по степям Туркменистана, где попал в тюрьму к одному туркменскому феодалу. Отсюда, из смрадной ямы, начинается сначала медленное, потом все ускоряющееся движение к власти над миром. Он собирает своих сторонников из всего Мавераннахра и после ряда удачных и неудачных боев изгоняет воинов Джете. Конец шестидесятих годов XIV века наполняется борьбой с амиром Хусайном, внуком Казгана; в 1370 году Хусайн убит, и Тимур делается самодержцем Турана. Еще десяток лет уходит на борьбу с Джете и непокорными феодалами внутри страны.

С начала восьмидесятих годов Тимур, собрав Туран, как в свое время Чингисхан Монголию, устремляется на Иран, захватывает Персию и Афганистан, а потом приступает к завоеванию мира в походах трехлетнем (с 1386 г.), пятилетнем (с 1392 г.) и семилетием (с 1399 г.).

Трехлетний поход Тимура был прерван нашествием в Мавераннахр другого завоевателя, стремившегося стать джехангиром, — хана Золотой Орды Тохтамыша, который заручился союзом с амирами Джете и Хорезма. Тимур прогнал Тохта-

В. А. Пано́в

мышья, разгромил его союзников и сам предпринял в 1391 году дальний поход на Тохтамышья по среднеазиатским степям в низовье Волги.

Пятилетний поход начался покорением Западной Персии и Ирака во главе с Багдадом и прикаспийских земель, но скоро перешел в новую борьбу с Тохтамышем, который атаковал Тимура в Закавказье; Тимур разбил своего грозного врага на Тереке и, преследуя его, докатился до Ельца, разгромил Золотую Орду и Черноморское побережье и в 1396 году вернулся в Самарканд.

Приготовляясь к семилетнему походу против второго великого соперника-джехангира, султана османских турок, Баязида Молниеносного, грозы и победителя западно-европейских рыцарей, Тимур совершил подготовительный поход в Северную Индию, где разгромил (1398—1399) Дели, дошел до Ганга и с богатой добычей (жалованием своим богадурам за семь лет вперед) вернулся для короткой передышки в Самарканд, чтобы оттуда двинуться на дальний Запад.

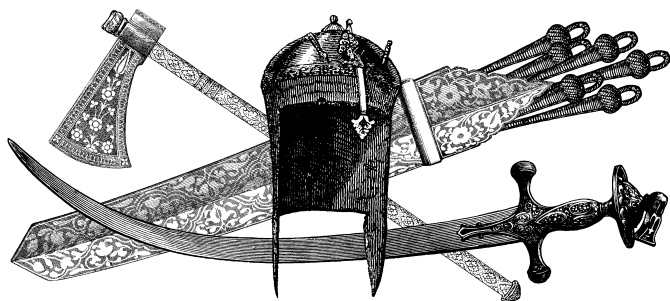
Тимур разгромил египетского султана Фараджа, союзника Баязида, захватил Сирию и вторгся в Малую Азию; он выбрал позицию, крайне удобную для маневрирования своей лучшей в мире конницы и неудобную для действий лучшей в мире пехоты Баязида, при Ангоре (теперешняя Анкара — столица Турецкой Республики) и в 1402 году нанес решительное поражение непобедимому султану османов. Отделавшись от последнего крупного соперника, Тимур стал готовиться в поход на Китай, чтобы получить формальное право

Владыки Востока

на владычество над миром, и во время похода умер в феврале 1405 года. После его смерти громадная империя быстро распалась: Тимуриды не были так счастливы, как потомки Чингисхана.

Удивительный, но безумно жестокий, хотя и очень набожный, воин и военачальник, создатель покрытой знаменем «правой веры» огромной феодально-племенной империи, Тимур представлялся потомству любопытным философом-моралистом, развивавшим очень интересные теории о природе власти правителя, о единстве человеческого рода, нарисовавшим блестящий образ, теоретический и практический, владыки мира. Громадной эрудицией он привел в восторг своего современника, знаменитого историка Ибн-Халдуна, своими постройками в Самарканде, художественным вкусом удивил не только современников, но и далеких потомков.

Некоторые знатоки истории военного искусства утверждают, что знаменитые наполеоновские стратегия и тактика, казалось бы, не имеющие аналогов, на самом деле заимствованы у Тимура; «джехангир» Запада будто бы удачно копировал и развивал теорию и практику Железного Хромца XIV века.

III.

Научно-историческая ценность «Автобиографии Тимура»

Был ли автором «Автобиографии» сам Тимур или она принадлежит другому автору, написавшему ее, быть может, по данным «Истории подвигов» Тимура — официальной летописи, которая велась — так утверждается в самой «Автобиографии» — при его дворе? «Автобиография» пытается опровергнуть тезис о неграмотности Тимура, о его необразованности: он учился в школе, был старшим учеником; с большой охотой сидел у ног «улемов» (духовных наставников, пропагандистов ислама); впитывал в себя тогдашнюю мудрость, был очень начитан в Коране — энциклопедии религиозно-фило-

Владыки Востока

софских знаний той эпохи; его историческим знаниям, его широкому умственному кругозору дивился Ибн-Халдун, великий ученый XIV в. Значит, существует ряд предпосылок для тезиса, что «Автобиография» могла исходить от самого Тимура. Далее, тонкость душевных переживаний, в точности соответствующая многообразию житейских казусов, уверенность в распоряжении логическими выкладками — своеобразными силлогизмами, свободное передвижение и комбинация различных сюжетов и мотивов в первой (без хронологических разрывов) части «Автобиографии», эпизодичность записей в ранних хронологических разрывах и тонкая, изысканно точная (кроме трех-четырех отдельных случаев) последовательность — в поздних свидетельствах, с большой степенью вероятности, о том, что «Автобиография» могла быть в существенных чертах записана со слов Тимура, но впоследствии она, вероятно, получила хронологическое и генеалогическое оформление, насквозь пропиталась моральными поучениями и рассуждениями со стороны улемов и таким образом получила *сложный, «словесной» характер*.

Как бы в конечном счете ни решался вопрос об авторе «Автобиографии», остается в полной силе проблема о научно-исторической ценности нашего источника. Каковы важнейшие объективные моменты, которые определяли расстановку фактов, их окраску, а иногда и само их существование?

Общие предпосылки, определяющие содержание «Автобиографии», даны в главе I введения; здесь мы остановимся только на специфических особенностях данного произведения.

В. А. Панов

Основная тенденция, основной пафос «Автобиографии» — «джехангирство»; подобраны и внесены в книгу только факты, рисующие восхождение джехангира к основной цели своей жизни, и если иногда даны обратные факты — удары судьбы, то исключительно для того, чтобы поучительной антитезой оттенить диалектически разворачивающийся процесс «джехангирства». Любопытно, что отрицательные стороны «покорителя мира» не всегда скрываются, не всегда исчезают из поля зрения автора, но они тщательно перетолковываются в пользу «сверхгероя», или же «сверхгерой» отбрасывает факты вроде дурных вещей снов или дурного их истолкования, раз они мешают ему двигаться вперед и делать задуманное по-своему...

Интересно взглянуть на саму *композицию* «Автобиографии». Автор сначала собирает всю квинтэссенцию «джехангирства»: он дает теоретические трактаты о «справедливом и милостивом пастыре народов», о природе власти правителя, а затем подбирает фрагменты практического выполнения джехангиром своей провиденциальной миссии в мире, вставленные в магическую оправу из разных видов оккультного знания. Из первой части «Автобиографии» читатель уходит уже вполне подготовленным; когда он читает вторую, погодную часть «Автобиографии», он уже сам заранее толкует факты, которые перед ним раскрываются последовательно год за годом; но автор не успокаивается и здесь: он всюду дает понять, как нужно толковать то или иное событие, как не ошибиться в оценке того или иного поступка.

Нельзя, конечно, слишком перегибать палку в эту сторону; личность героя — действительно исключительна по своим

Владыки Востока

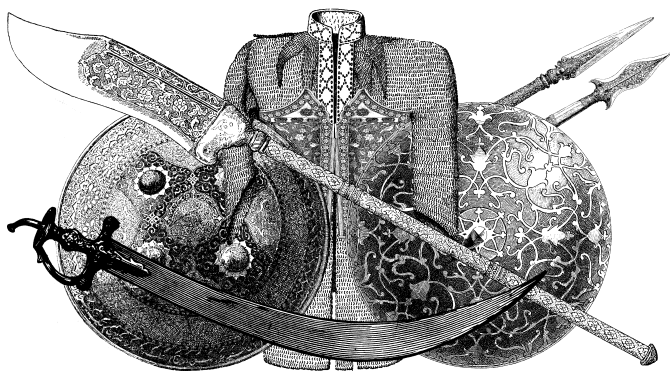
физическим и умственным дарованиям; его подвиги — верх храбрости, ловкости и хитрости; нельзя поэтому всякий выход за уровень среднего человека сводить к субъективным моментам, к искажению реальных данных. Читатель наших дней не может свести все содержание «Автобиографии» только к аретологическим моментам, то есть к сюжетам и мотивам, восхваляющим «сверхгероя», в ущерб богатому реальному содержанию рассказа. Но что непременно следует откидывать — это нестерпимый морализирующий тон или привкус в речах автора; становится часто досадно, когда после очень живого авантюрного эпизода, который так и требует кисти художника, приходится выслушивать сухое поучение автора о том, что хорошо и что плохо, что следует делать и чего не следует делать, с ссылкой на авторитеты шейхов и пиров. Пиетизм и морализм прямо убивают хорошего рассказчика.

Говоря общо, *магический орнамент и морализм — элементы, которые необходимо устранить, чтобы получить реальное представление деятельности Тимура в первый, мавераннахрский период, и эти же элементы следует строго учитывать, когда нужно вникнуть в идеологию той эпохи и понять особенности «Автобиографии» как книги о джехангире.*

Если говорить очень общо, «Автобиография Тимура» — книга, воспевающая героя, его приключения, его оккультно-магическое покрывало, то есть книга о джехангире, но автор, как человек высокого социального полета и тонкий для сво-

В. А. Панов

его времени моралист-диалектик в теории и практике, далек от устного творчества, от его сказочных мотивов, песен, загадок и пословиц — творчества и философии общественных низов. Агиографические же мотивы вводятся лишь постольку, поскольку нужно окружить джехангира сверхъестественным сиянием.

IV.

Научно-историческая ценность «Богатырских сказаний о Чингисхане и Аксак-Темире (Хромые Железном)»

Составляют ли «Богатырские сказания» цельное произведение одного автора?

Перед нами в «Сказаниях» волнуется иная, чем в «Автобиографии», стихия — стихия сказочных и легендарных сюжетов, то переплетающихся, то эволюционирующих, то кон-

В. А. Пано́в

трастных; эта стихия прерывается кое-где островками — то генеалогическим и хронологическим орнаментом, то философскими и моральными поучениями. Эти островки создают впечатление маргинальных заметок читателя, вдумчивого и внимательного. Кажется, что кем-то раньше были подобраны (удачно или не совсем, это другой вопрос) фрагменты сказок и легенд, а кто-то другой дал им ученое окружение в стиле своей эпохи: подобрал генеалогию главных персонажей, прибавил кое-где хронологические даты и покрыл их постулки моральными характеристиками.

Личность *последнего, окончательного* редактора до известной степени ясна — это улем, пропагандист ислама, близкий к кругам феодальной знати Востока, знаток и мастер по части генеалогии и геральдики, по хронологической подаче событий. «Сказания» — работа человека, близкого одновременно и к монастырю и к замку феодального правителя. Быть может, в своих архивах нашел он раннее произведение и обработал его, — к счастью, не очень глубоко!..

Но откуда идет *первоначальная* редакция наших «Богатырских сказаний»?

У калмыков (ойратов Западной Монголии) развит богатый героический эпос «Джангариада» — цикл былин, поэм вполне самостоятельных, связанных между собой единым центральным персонажем, Джангар-ханом, которому служат все богатыри, герои отдельных поэм, наподобие того, как русские богатыри группируются около Владимира Красное Солнышко. На пирах, на свадьбах, на общественных празднест-

Владыки Востока

вах соперничали между собою «джангарчи», певцы «Джангариады», певшие под аккомпанемент домбры (двухструнный инструмент), знавшие по несколько песен поэмы, а часто и целиком всю поэму.

Наши сказания, конечно, не входили в состав «Джангариады», но они составляют две самостоятельные поэмы о Чингисхане и Аксак-Темире, скомпонованные какими-то неведомыми, вольными художниками степей по тематике «Джангариады» из отдельных сказочных мотивов, легенд и былин; докапываться, кто были эти «вольные художники степей», для нас не так уж и существенно в конечном счете.

Какова *научно-историческая* ценность «Богатырских сказаний»?

Начнем с верхнего, более научного, более историзирующего слоя. Хронология, генеалогия, геральдика — ценные вспомогательные дисциплины для современной исторической науки в ее микроскопическом разрезе; для микроскопических измерений требуется особенная изощренная точность и тонкость, и мы, люди XXI века, особенно избалованы по этой части; тем труднее говорить нам о произведении феодального Средневековья.

Хронология — относительно Чингисхана довольно правильная, относительно Аксак-Темира нелепая, заменяется «многогодием» — отражением долголетних походов реального Тимура.

В. А. Паноф

Генеалогия — реальная относительно потомков Чингисхана, легендарная относительно предков и совершенно фантастическая (но вполне в духе монастырско-рыцарских генеалогических изысканий Средневековья) в отношении прикрепления родословного древа Чингисхана к родоначальнику послепопотного человечества, Ною, и его ближайшим потомкам — сыновьям.

Геральдика может иметь высокую степень вероятности, если только она опирается на предания, хранившиеся и передававшиеся по наследству в родах военачальников Чингисхана, и совершенно призрачную, если она — только очень искусная, хитроумная комбинация самых разнообразных легенд и сказочных мотивов. Какая версия более соответствует истине, нельзя сказать с полной уверенностью.

Компоновка «Сказаний». Не будем говорить о «Сказании о Чингисхане»; там незаметно, кроме немногих переходных фраз, никаких ученых усилий, направленных на создание композиции «Сказания». Но она довольно рельефно выступает во второй половине «Сказания об Аксак-Темире», когда вычерчивается путь Аксак-Темира в джехангиры. У автора два громадных минуса: 1) он совершенно не обращает внимания на фантастичность многих сюжетов (Миср, Стамбул, Владимир и др.) и 2) совершенно произвольно вытягивает все походы Тимура в одну сплошную пространственно-временную линию, не чувствует никаких прорывов и перерывов.

Морализм в «Сказаниях». Его ценность очень своеобразная, она характеризует совсем не «Сказания», а только миро-

Владыки Востока

воззрение ученых ханжеских кругов, которые, по-видимому, желали пропустить «языческие» вещи сквозь свою цензурную призму, создать из них орудие для изготовления рецептов благочестивой житейской морали... Значит, улем просто-напросто испортил своей «ученостью» то, что он получил из «языческих» источников!

Следует ли говорить о научно-исторической ценности древнейшего, подлинного пласта «Сказаний»? Вряд ли. «Сказания», нужно думать, никогда не претендовали на такую значимость, и не следует насиловать их праздными вопросами.

«Сказание о Чингисхане» носит *децентрализованный* характер: первая половина его занята очень самостоятельными, сильно изолированными эпизодами с различными предками Чингисхана; индивидуальный аромат эпизодов настолько силен, что порой невольно забываешь про их привязанность к какому-то центральному сюжету, что они — только доистория главной темы. Вторая половина «Сказания», правда, целиком связана с личностью Чингисхана, но ее отдельные эпизоды, можно сказать, лишь сцеплены между собой динамикой рассказа, нанизаны, как бусы на нитку: вынешь нитку, и они покатаются в разные стороны.

Перед нами, таким образом, *выкованная по тематике «Джангариады» цепь из сказочных рассказов* (в преобладающем числе) *и из легендарных и окутанных легендарной дымкой эпизодов* (в меньшей степени) *о предках Чингисхана,*

В. А. Панов

об обстоятельствах его рождения, молодости, об избрании ханом и об его ближайших соратниках-биях.

Сказание об Аксак-Темире (Хромце Железном) более централизовано, сжато в более крепкий узел около личности Аксак-Темира: он нигде и никогда не остается в забвении, в тени. Здесь легенды и легендарные рассказы преобладают над сказками и сказочными мотивами, здесь больше реальных сюжетов, лишь вставленных в рамки легенды. *Археологическая мантия покрывает сплошь «Сказание» и придает известную цельность и стройность теме о джехангире.*

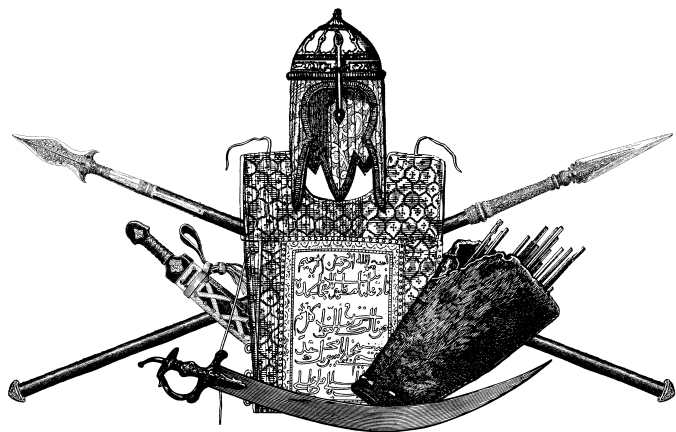
Литературно-художественная морфология «Сказаний» есть результат очень своеобразной реакции человеческих масс на травму, нанесенную появлением в феодальной среде реальных джехангиров. «Аксак-Темир перевернул все вверх дном; оттого-то и слава о нем сохранилась до наших времен» — такими словами заканчивает автор свое «Сказание».

Прав ли старинный автор в своей оценке джехангира, пусть покажет перевод «Автобиографии Тимура» и «Богатырских сказаний о Чингисхане и Аксак-Темире (Хромце Железном)».

В. А. Панов

Автобиография Тимура¹

Во имя Аллаха, милостивого и милосердного!²

Пусть знают все мои рожденные в счастье дети, исполненные могущества родные³, султаны, амиры⁴ и визири⁵, что Аллах своей волей поставил меня пастырем народов, венчал меня на царство, укрепил мой трон. Так мне послано Аллахом в награду за двенадцать качеств моего характера.

[Двенадцать моральных качеств Тимура⁶]

Первое. Всегда я считал беспристрастие первым своим качеством: и к бедным и к богатым безразлично относился всегда с одинаковой справедливостью и строгостью.

Второе. Всегда строго хранил ислам, всегда чтил и уважал людей, которых возвеличил своей милостью Аллах.

Тамерлан

Третье. Всегда щедро раздавал бедным милостыню, всегда с большим терпением разбирал всякое дело, всегда тщательно вникал во все обстоятельства дела.

Четвертое. Всегда старался делать всякое дело для блага подвластных мне народов, никому не делал зла без серьезных причин, не отгонял никого, кто обращался ко мне за помощью. Я твердо помнил слово Корана, что слуги Аллаха должны творить лишь одну его волю и от одного него принимать милости [Коран⁷, XLII сура, аят 18 и 22], и в течение всей своей жизни придерживался этих слов.

Пятое. Всегда предпочитал делать то, что касается ислама, прежде всего остального, что касается обыденной жизни; только закончив дела Аллаха, я принимался за дела обыкновенные.

Шестое. Всегда старался я говорить правду, всегда отличал правду среди того, что мне говорили о жизни здешней и жизни будущей.

Однажды мне рассказали, как Аллах сотворил первого человека, Адама⁸; ангелы⁹, которые видели творение, стали роптать на Аллаха: якобы ничего не выйдет хорошего из создания человека; человек на земле непременно будет говорить ложь другим, не исполнять своих обещаний, убивать подобных себе людей, — словом, творить всяческие беззакония; Аллах непременно раскается в том, что создал человека. Аллах отвечал ангелам, что он давным-давно предвидел злобу и неправду людскую, что в свое время он пошлет людям меч, который будет карать всех злых и лживых и истребит всякую неправду.

Автобиография Тимура

Я так понял рассказ, что меч, карающий неправду, который Аллах посылает людям, — это правители народов. Я потому и старался изо всех сил быть во всем справедливым и по правде поступать при любых обстоятельствах моей жизни.

Седьмое. Всегда давал лишь такие обещания, какие мог исполнить: я думал, что если точно выполнять обещания, то всегда будешь справедливым и никому не причинишь зла.

Восьмое. Всегда считал себя первым и самым ревностным слугой Аллаха, всегда творил волю Аллаха или его Посланника (Мухаммеда), без воли Аллаха не чинил вреда ни одному из народов этого мира. И знатым и незнатым я одинаково старался делать добро; я никогда не желал овладеть чужим имуществом, не думал о богатстве; не завидовал богатым. Поучительна судьба амира Хусайна¹⁰, жадного до добром подвластных ему людей, он и погиб из-за своей жадности.

Девятое. Всегда старался в точности исполнять веления Аллаха и следовать откровениям его Посланника, в своих делах я руководствовался исключительно указаниями шариата¹¹ и всегда уклонялся от дурного. Посланник Аллаха и мусlime¹² были моими единственными и наилучшими друзьями.

Десятое. Всегда старался высоко поднять во вселенной знамя ислама¹³: я слышал, что правая вера и великая власть рождены как бы из одного чрева, что только та власть сильна, которая основана на правой вере, поэтому в распространении ислама я видел прочное основание своего величия в мире.

Одиннадцатое. Всегда относился с великим уважением к сайидам¹⁴, почитал улемов¹⁵ и шейхов¹⁶, всех их я неизменно

Тамерлан

призывал в свой совет, внимательно выслушивал их указания по делам веры и исполнял их советы. Народ меня особенно любил за это.

К этим лицам, облеченным особыми дарами Аллаха и его Посланника, я старался относиться так же, как это делал царь Константин¹⁷.

Царь Константин однажды собрал воинов и двинулся войной на султана Рай¹⁸. По пути Константин узнает, что в совете султана¹⁹ принимают большое участие сайиды, улемы и шейхи; как только весть дошла до царя, он немедленно со своими воинами повернул обратно и совершенно отказался от мысли завоевать Рай. Своим визирям и амирам царь так объяснил, что одна священная книга утверждает великую важность присутствия высоких духовных лиц в совете царя: «Если в совете царя заседают духовные лица, никто не в силах победить этого царя». Константин писал с пути султану Рай, что его правление подобно правлению хакана²⁰; поэтому-то он и раздумал идти войной на правителя, которого не в силах одолеть.

Двенадцатое. Всегда милостиво относился к юродивым²¹, не имевшим пристанища, людям самого низкого положения; я всячески старался помочь им. Я был всегда снисходительным к правоверным, не наказывал строго за малую вину. К сайидам всегда относился с великим уважением; я избегал слушать людей, которые говорят ложь.

Я слышал: слава великих правителей рождается от милостивого отношения к подвластным людям; в Коране сказано, что если правитель простит одного виновного, он таким об-

Автобиография Тимура

разом окажет милость всем подвластным ему людям; во всех своих делах я следовал примеру милостивых правителей.

Я слышал: если Аллах пошлет кому-либо великую власть, то могущество владыки возрастет еще больше, если он будет справедлив и милостив во всех своих делах; могущество владыки, наоборот, быстро придет в умаление, если он уклонится на путь несправедливости и жестокости. И вот, чтобы поддержать и укрепить свое могущество, я взял в одну руку свечот справедливости, а в другую — свечот милосердия и этими двумя свечотами непрерывно освещал путь своей жизни, всегда во всяких делах стараясь быть справедливым и милостивым.

Я выбрал себе четырех министров, справедливых и милостивых; из них главные: Махмуд-шах Хорасанский и Наср-эд-дин Махмуд-уль-Ара-Мыр. Я приказал им всегда следить за моими поступками и останавливать меня всякий раз, когда я буду несправедливым, буду верить словам лжи или буду посягать на чужое добро.

Я слышал: если Аллах посылает великую власть, то оказывает тем самым великую милость; эта милость налагает на владыку обязанность всегда и всюду быть справедливым и милостивым. Когда я сделался великим правителем, я всегда помнил это и старался всегда быть справедливым и милостивым.

[Тимур размышляет о природе власти правителя]²²

С сильным войском я расположился у Эрзерума; войско заняло всю степь вокруг города. Я смотрел на своих воинов и думал:

Тамерлан

«Я — один, сам по себе, кажется, не обладаю особенной силой.

Почему и все эти воины и каждый из них поодиночке всегда подчиняются моей воле, воле одного человека?»

Если я прикажу им что-либо сделать, все немедленно будет сделано, как приказано».

Я принес благодарность Аллаху за то, что он дал мне такую славу среди своих рабов, и спрашивал улемов, которые были при мне, почему такое множество людей, которое окружает меня, беспрекословно подчиняется моей воле.

Улемы объясняли, что моя сила — в силе и воле Аллаха, что меня покрывает его величие; они привели священные слова, что если сам правитель во всех своих делах будет подчиняться справедливости, то и все подвластные ему люди будут в свою очередь подчиняться ему, а враги — трепетать перед ним. Преданность такому правителю со стороны подвластных ему людей легко объяснить их признательностью к его постоянной справедливости.

[Шейх Заин-эд-дин Абу-Бекр Тайабади]

Когда мне исполнился двадцать один год, я решился отправиться путешествовать. Я обратился за напутственным благословением к почтенному шейху Заин-эд-дину Абу-Бекру Тайабади²³.

Шейх благословил меня на путешествие, препоясал меня поясом²⁴, дал мне шапку²⁵ и вручил коралловое кольцо²⁶ с надписью «Расти-расти», что значит:

Автобиография Тимура

«Если во всем будешь справедлив,
то всегда встретишь удачу».

Шейх пожелал мне всякого благополучия и удачи в пути и сказал об откровении, которое ему было относительно меня:

— В мире есть человек, который во всем тебя поддерживает, называет тебя *наибом*²⁷ Посланника Аллаха; теперь ты не можешь увидеть его, но придет время, когда он сам взглянет на тебя взором, полным счастья.

(Далее старый шейх стал рассказывать мне
из своей жизни)²⁸.

[Паломничество Тимура к кутбу]²⁹

Когда мне исполнилось семьдесят пять лет от роду, в 805 году [хиджры], я овладел столицей Рума³⁰ и отправился к шейху Кутб³¹-уль-Арифину³² Садр-эд-дину Ардебильскому. Я хотел послужить какому-либо славному своей праведной жизнью подвижнику и просил шейха найти такое лицо, которому я мог бы служить. Шейх посоветовал мне отправиться в горы Шахлан, где в одном месте я должен был найти скалу и ключ, бывший из скалы попеременно то холодной, то горячей струей. Мне нужно было там, у ключа, терпеливо ожидать кутба, которому я должен был послужить; он должен был прийти к ключу, чтобы совершить омовение³³ и молитву.

Я повиновался словам шейха Садр-эд-дина, немедленно отправился в указанное место, нашел ключ и стал ждать прихода кутба, которому должен был служить. Рано утром к ключу

Тамерлан

чу подошел какой-то человек, совершил омовение и стал молиться³⁴. Я подошел к этому человеку и, к великому удивлению, узнал в нем своего собственного конюха. Три дня я видел, как этот человек подходил к ключу и совершал там молитву.

На третий день, чтобы избавиться от сомнения, которое меня мучило все эти дни, я решился заговорить с ним:

— Сайид-Али-ата! Между своими слугами я считал тебя самым плохим и только теперь узнал, какое высокое положение ты занимаешь; решаюсь просить тебя: объясни мне, каким образом ты достиг высшего и почетнейшего звания?

— В самом начале твоего правления кутб-уль-актаб³⁵ велел мне помогать тебе; я исполнил его повеление.

Мы оба совершили омовение, и затем Сайид-Али-ата начал молитву, а я последовал его примеру.

Молитва доставила мне великое наслаждение. После молитвы кутб сказал мне:

— Ты гость Аллаха, и поэтому во имя гостеприимства Аллах исполнит все, о чем ты теперь его попросишь.

Я стал просить утверждения в вере. Кутб ответил:

— Вера принадлежит Посланнику Аллаха; вера — город, вне которого некоторые говорят: «Нет божества кроме Аллаха», другие внутри его говорят: «Кроме Аллаха нет божества»; имя этого города баб-уль-абваб³⁶, там обиталище того, кто произносит слова счастья: «Ля иляга-иль-Алагу, Мухаммед Расуль Улла» («Нет божества кроме Аллаха, и Мухаммед — посланник Аллаха»).

После этого кутб начал снова класть поклоны, я последовал его примеру, а когда я поднял голову после поклона, увидел, что кутб умер.

Автобиография Тимура

В отчаянии я вернулся к шейху [Садр-эд-дину Ардебильскому] и подробно рассказал ему, что случилось со мной во время путешествия. Шейх сказал мне:

— Власть принадлежит только кутбу, наместнику Аллаха, который по приказанию кутб-уль-актаба оказывает помощь «великому амиру»; к нему после смерти кутба переходит вся власть. Власть Кайсара³⁷ поддерживал один служитель Аллаха, он исчез, и власть Кайсара перешла к тебе.

Слова почтенного [Кутб-уль-Арифина Садр-эд-дина Ардебильского] навели меня на мысль: «Теперь моя слава и величие достигли высшей степени, но и меня может постигнуть такая же участь». Впрочем, я надеялся, что мое место займет какой-нибудь справедливый правитель.

Чтобы угодить Аллаху, я отпустил на волю четыре тысячи пленных «руми»; кроме того в 806 году [хиджры] я защитил Мавераннахр³⁸ от набегов узбеков³⁹, я прекратил разбои в этой стране.

[Хазрет Убайдулла]

За меня стали молиться во всех мечетях⁴⁰ имамы⁴¹, стоящие на минбарах⁴², стали возносить молитвы сайиды, улемы и шейхи. Нашелся один недовольный отношением ко мне духовных лиц, хазрет⁴³ Убайдулла, который громко сказал:

— Тимур — кровожадный турок, много народа он погубил, как можно молиться за него?!⁴⁴

Вскоре после этих слов Убайдулла видит сон — самого Мухаммеда и меня, стоящего рядом с ним. Убайдулла триж-

Тамерлан

ды поклонился Посланнику Аллаха, но тот не обратил на него внимания, совсем не ответил на его поклоны. Убайдулла, огорченный, обратился к Посланнику Аллаха со словами:

— О Посланник Аллаха! Я — служитель твоего шариата, а Тимур — кровопийца, истребивший бесчисленное множество людей, и его ты принимаешь, а меня отвергаешь?!

Посланник Аллаха ответил Убайдулле:

— Правда, по воле Тимура погибло и гибнет множество людей, но эту вину он вполне искупил глубоким почитанием сайидов; поэтому народ должен молиться за такого правителя.

После этих слов Посланника Аллаха Убайдулла проснулся; тотчас поспешил ко мне просить прощения за неприятность, которую он причинил мне, не зная, кто я.

Весь народ быстро узнал про это; все убедились, что за меня следует возносить молитвы Аллаху. Подвластные мне люди говорили: «Да будет на нем милость Аллаха», поняв, что я пользуюсь особой его милостью. Я убедился, что Посланник Аллаха не отказывает мне в своем руководстве и помощи, и стал еще с большим уважением и заботливостью относиться к сайидам (потомкам Посланника).

[Помощь Аллаха Тимуру]

В 800 году хиджры⁴⁵ я с четырехсоттысячной конницей двинулся к Эрзеруму. Я двигался по направлению к этому городу и внимательно наблюдал за тем, что делается вокруг. Я скоро заметил, что со стороны Ирака приближается к моему войску большая толпа народа. Через час богадуры, охра-

Автобиография Тимура

нявшие движение войска, сообщили мне, что со стороны Ирака виден отряд арабов; еще через час я получил новые вести: к моему войску прибыл большой отряд бедуинов и сайидов из Кербеллы⁴⁶ и Неджефа⁴⁷; во главе отряда стоял сайид Паттах, и перед ним несли белое знамя⁴⁸. Я был рад прибытию таких подкреплений и думал о том, что, вероятно, эти люди пришли ко мне на помощь по воле Аллаха. Сайид Паттах приблизился ко мне и сказал:

— Мне явился во сне четвертый халиф Али и приказал: «Доставь белое знамя брату моему Тимуру».

Жители Неджефа сказали, что белое знамя доставлено мне как помощь при осуществлении моего предприятия, как способ исполнить мое желание овладеть Эрзерумом. Я выслушал их, пал ниц и принес благодарность Аллаху; потом я велел записать это событие в «Историю [моих] подвигов»⁴⁹.

Тем временем улемы, бывшие среди приближенных ко мне людей, нашли в Коране аят, который указывал, что Рум должен пасть в этом же году⁵⁰; в это же время прибыл Инги-Тимур из своего убежища и поздравил меня с победой; я принял слово «победа» за хорошее предзнаменование и передал ему белое знамя. Он взглянул на белое знамя и начал битву.

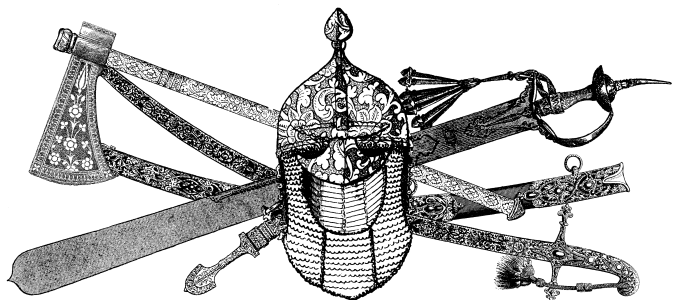
Аллах и в другое время постоянно помогал мне; так, когда я собирался походом против столицы Рума, я пожелал узнать наперед, осуществится ли мое намерение. Я отправился на могилу шейха Ясави⁵¹ и просил погадать мне⁵². Посредством гадания я узнал, что, если во время войны мне будет грозить опасность, мне стоит лишь прочитывать одно четверостишие, и успех всегда будет мне обеспечен.

Тамерлан

[Магическое четверостишие⁵³]

О могущий ночь темную в день ясный превратить,
А землю всю — в цветник благоухающий;
О могущий все трудное на свете белом сделать легким, —
Пошли мне помощь в предстоящем трудном деле:
на легкое всю трудность измени.

Я твердо запомнил четверостишие; во время боя с Кайсаром семьдесят раз прочитал его про себя и одержал блестящую победу.

**[Хакан Туклук-Тимур,
потомок Чингисхана,
приходит в Мавераннахр.
По совету шейха Заин-эд-
дина Абу-Бекра Тайабади
Тимур подчиняется хакану]**

Аллах оказал мне помощь и в 801 году [хиджры]⁵⁴. Потомок Чингисхана, хакан Туклук-Тимур, двинул много воинов Джете для завоевания Мавераннахра и перешел у Ходжента Сайхун. Амиры Мавераннахра и Хаджи⁵⁵-Барлас сильно испугались, переправились через Джайхун⁵⁶ и искали спасения в бегстве в Хорасан⁵⁷.

Тамерлан

Я был в нерешимости: последовать ли общему примеру и спастись бегством в Хорасан или добровольно присоединиться к войску хакана Туклук-Тимура?

Только одним путем я мог выйти из мучительного положения: попросить совета у моего уважаемого духовного руководителя, шейха Заин-эд-дина Абу-Бекра Тайабади; я немедленно написал ему письмо, в котором спрашивал, как мне лучше всего поступить по отношению к хакану Туклук-Тимуру?

Шейх написал мне в ответ⁵⁸:

«Четвертый халиф Али привел такое изречение: “Если небо — лук, а судьба — стрелы, то стрелок — сам Аллах; куда убежишь [от него]?” Присоединись к Туклук-Тимуру, потому что он — тень Аллаха».

Я понял ответ почтенного шейха так, что Аллах велит мне действовать заодно с хаканом Туклук-Тимуром, и поспешил присоединиться к нему у Ходжента на берегу Сайхуна.

[Тимур подает советы хакану Туклук-Тимуру]

Хакан Туклук-Тимур был весьма доволен, что я добровольно присоединился к нему, и по воле Аллаха наградил меня полным доверием. Он во всяком деле советовался со мною и ни одного своего намерения не осуществил без разговора со мною. Так, однажды Туклук-Тимуру дали знать, что его амиры в Кипчакской степи⁵⁹ подняли знамя бунта. Хакан спросил меня, как лучше поступить: самому ли идти на кипчаков и примерно их наказать или послать одних богадуров. Я подал ему совет⁶⁰:

Автобиография Тимура

— Если ты пошлешь кого-нибудь, то будет две опасности; если пойдешь сам — одна опасность; умный человек тот, кто предпочитает одну опасность двум.

Другой раз хакан Туклук-Тимур просил моего совета по какому-то очень важному делу; я отвечал ему так:

— Твое величие подобно огромному шатру, который раскинут над всем Мавераннахром.

Столбы, которые поддерживают этот шатер, — справедливость; веревки, на которых покоится крыша, — беспристрастие; колья, которыми укреплен шатер, — правда.

Поддерживай этими тремя качествами твое величие, как колья, столбы и веревки поддерживают шатер; всякий найдет спасение под сенью шатра, а бегущий прочь погибнет.

Шейхам, улемам и сайидам оказывай высокое уважение; ко всем людям, тебе подвластным, богатым и бедным, относись справедливо; хороших людей поощряй дарами, дурных старайся исправить наказанием; снабжай воинов всем необходимым, а слугам своим плати жалование исправно; пусть твой воин будет убит, но жалование его должно быть уплачено.

Однажды приближенные хакана Туклук-Тимура ограбили народ; пострадавшие принесли жалобу самому хакану. Туклук-Тимур обратился ко мне за советом, я ответил:

— У турок ум такой же узкий, как и глаза; чтобы добиться от них преданности, необходимо насытить их глаза и сердце.

Туклук-Тимур остался очень доволен моим советом.

Вскоре хакан отправился походом на кипчаков, сам предводительствуя своими воинами, а власть над Мавераннахром

Тамерлан

на время своей отлучки передал мне; он дал мне грамоту⁶¹, в которой значилось, что хакан Туклук-Тимур отдал Мавераннахр брату своему Тимуру. Так было сделано, чтобы избежать притязаний со стороны врагов хакана Туклук-Тимура и междоусобий.

Однажды во сне явился мне Посланник Аллаха и сказал:
— Тимур! Семьдесят твоих потомков⁶² будут правителями в награду за то, что ты с большим уважением относился к моему потомству [сайидам].

Я запомнил этот сон.

В 862 году [хиджры]⁶³ хакан Туклук-Тимур вернулся в Мавераннахр, заранее известив меня о своем прибытии. Я с большим торжеством встретил Туклук-Тимура.

[Хакан Туклук-Тимур передает власть над Мавераннахром своему сыну, Ильяс-Ходже, а Тимура оставляет главным начальником своих воинов]

По возвращении в Мавераннахр хакан Туклук-Тимур, в нарушение данной мне грамоты, передал высшую власть над страной своему сыну Ильяс-Ходже⁶⁴, а меня сделал главным амиром своих воинов. Такое унижение причинило мне большое горе: я был глубоко обижен, что у меня отняли власть и сделали только главным начальником воинов.

Туклук-Тимур узнал, что я очень недоволен его распоряжением, он позвал меня к себе и показал мне завещание предка

Автобиография Тимура

моего, Качули-богадура⁶⁵. На стальной доске⁶⁶ было начертано, что наследование достоинства хана предоставлено потомству Кабыль-хана, а потомству Качули-богадура — наследование высшей власти над всеми воинами. Завещание требовало от представителей того и другого рода поддерживать друг друга и никогда не враждовать между собою из-за власти. Я убедился, что назначение меня главным амиром воинов осуществилось согласно с волею моих предков, и успокоился.

**[Ильяс-Ходжа у власти; бесчинства узбеков.
Тимур самовольно укрощает узбеков и приобретает
глубокую ненависть с их стороны]**

Ильяс-Ходжа не обладал качествами, необходимыми для правителя: ни амиры, ни узбеки не слушались его. Однажды жители Мавераннахра пожаловались мне, что узбеки требуют выдать им тысячу девушек. Я сказал об этом Ильяс-Ходже; он запретил узбекам такое насилие, но те не обратили внимания на его распоряжение.

В это же время некоторые из сайидов Персии пожаловались, что узбеки схватили и увели в плен семьдесят сайидов. Эта дерзость вывела меня из терпения: я быстро двинулся в погоню за узбеками и освободил сайидов из плена. Узбеки возненавидели меня; они послали ложный донос хакану Туклук-Тимуру, будто я намерен восстать против него и сделаться самостоятельным правителем. Хакан Туклук-Тимур прислал грамоту с приказанием казнить меня за измену, гра-

Тамерлан

мота случайно попала в мои руки, и я принял все меры, чтобы спасти себя от совершенно незаслуженной казни.

[Письма шейха Заин-эд-дина Абу-Бекра Тайабади Тимуру]

Как раз в это время явился мне во сне Посланник Аллаха и сказал, что в награду за освобождение из плена семидесяти сайидов семьдесят поколений моих потомков будут правителями. Я проснулся и немедленно написал о своем сне духовному покровителю, шейху Заин-эд-дину Абу-Бекру Тайабади.

Старец в скорости прислал мне ответ⁶⁷, что мой сон предвещает для меня бесчисленное множество побед в будущем. Шейх рассказал мне про случай с одной женщиной — матерью Сабук-Тагина⁶⁸; ей было обещано, что ее потомки будут правителями только за то, что она спасла от смерти козу.

«Эта женщина спасла от смерти только козу, — писал мне шейх Заин-эд-дин Абу-Бекр Тайабади, — а ты освободил из плена семьдесят сайидов, — ты можешь быть вполне уверен, что за такое великое дело тебя в будущем ожидает великая награда».

Вещий сон исполнился: еще при моей жизни шесть моих сыновей сделались правителями.

Вскоре я получил от почтенного шейха Заин-эд-дина Абу-Бекра Тайабади другое письмо; в нем он писал, что Аллах поставил меня хранителем своего царства, а Посланник Аллаха вручил мне ключи от него.

Автобиография Тимура

Узбеки пылали враждой против меня, а от хакана Туклук-Тимура пришла еще одна грамота с приказанием убить меня; узбеки решили убить меня исподтишка и стали ждать удобного случая, чтобы покончить со мной.

Я стал опасаться измены со стороны окружавших меня амиров и под предлогом охоты выехал из Самарканда и укрылся на одном мазаре; я склонил голову на камень и крепко уснул; какая-то птица распростерла надо мной свои крылья и так прикрыла мою голову, что лучи солнца несколько не беспокоили меня. Меня разбудил проходивший мимо гуртовщик баранов словами:

— Без бега⁶⁹ — ты бег.

Эти слова я принял за хорошее предзнаменование и отважился вернуться в Самарканд.

[Фетва жителей Самарканда Тимуру]

Я получил фетву⁷⁰ от знатных людей Самарканда:

«От насилий узбеков мир пришел в расстройство; уважаемые люди оскорблены; имущество правоверных разграблено.

Мы, факиры⁷¹, шейхи, сайиды, решили как один подчиниться тебе, Тимур.

Если приложишь все силы и истребишь узбеков, мы все как один встанем за тебя.

Если же не защитишь нас от узбеков, то в день Страшного Суда⁷² будем обвинять тебя перед Аллахом».

Тамерлан

Я написал о фетве шейху Заин-эд-дину Абу-Бекру Тайабади и скоро получил от него ответ: старец приветствовал меня за честь, какую оказали мне сайиды и улемы.

«Эта фетва — решающий довод, — писал шейх, — халифы правого пути⁷³ одобряют твоё назначение».

Я понемногу стал собирать воинов и готовиться к выступлению в поход, чтобы наказать узбеков, но у меня не было друга, которому я мог бы открыть свою тайну; население Самарканда, правда, подчинялось мне, но я не решался поднять открыто знамя восстания. Моя тайна распространилась среди народа, узбеки узнали о грозившей им опасности и поспешили собраться в одно место.

В это самое время я снова получил письмо от почтенного шейха Заин-эд-дина Абу-Бекра Тайабади: он писал мне, что Посланник Аллаха пошлет мне помощь в задуманном мною деле. Это письмо принесло мне громадное успокоение.

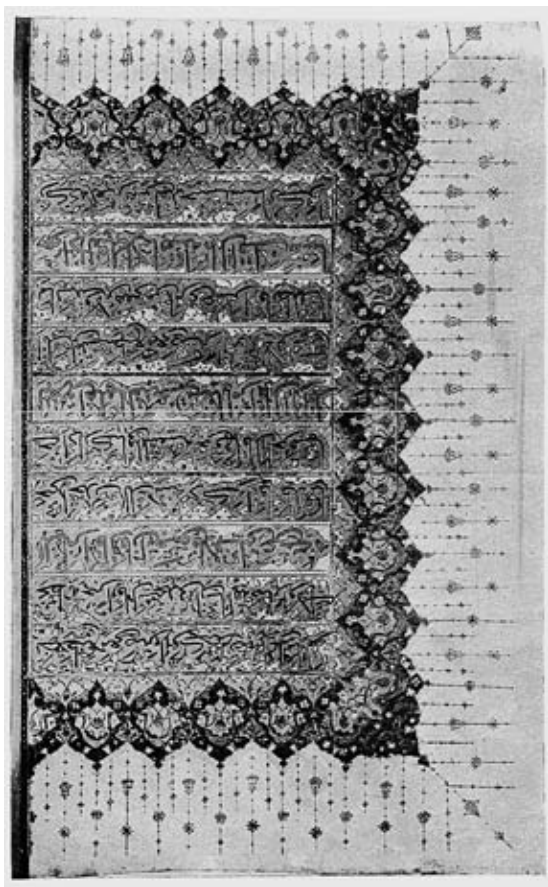
В это время хакан Туклук-Тимур снова прислал грамоту с приказом казнить меня; поэтому святой амир Куляль дал мне совет — немедленно удалиться в Хорезм.

— Всегда следует отступать перед превосходящими силами и удаляться от врага, которого не можешь одолеть; так поступали пророки, — сказал мне амир Куляль.

Я пожелал узнать, что меня ожидает в пути, и загадал по Корану; мне открылся аят:

«Солнце течет к назначенному месту: такова воля Сильного, Знающего». (*Коран, XXXVI сура, 38 аят*).

Я понял, что путешествие мое обещает быть благополучным, и окончательно решил двинуться в дальний путь.

Коран. XVIII сура, 67—68 аят. Фотоснимок с рукописи Корана XVI в.,
находящейся в Берлинской Королевской библиотеке

Тамерлан

[Четыре правила шейха Заин-эд-дина]

Перед отъездом я написал письмо шейху Заин-эд-дину Абу-Бекру Тайабади и в 864 году [хиджры]⁷⁴ с шестьюдесятью всадниками выехал из Самарканда в Хорезм⁷⁵. На пути я получил такой ответ от шейха:

«Тимур, усвой себе четыре правила.

Первое. Всякое путешествие совершай по примеру Посланника Аллаха, всякое дело начинай по благословению и с помощью Аллаха.

Второе. В своих делах руководись всегда примером пророка Ибрахима⁷⁶, наблюдай, чтобы во время твоего правления в подвластных тебе странах не совершалось прелюбодеяний или других тяжких преступлений.

По своей настойчивости не уступай аисту⁷⁷. Один аист в своем гнезде нашел маленького вороненка. В течение трех дней аист не обращал на вороненка ни малейшего внимания; на четвертый день слетелись четыреста аистов и умертвили хозяина гнезда за то, что нашли у него в гнезде вороненка.

Третье. Всякое дело, по примеру Посланника Аллаха, начинай не иначе как посоветовавшись с другими людьми; были правители, которые всякое дело делали самовольно, не прося ни у кого совета; но было ли продолжительным величие таких правителей?

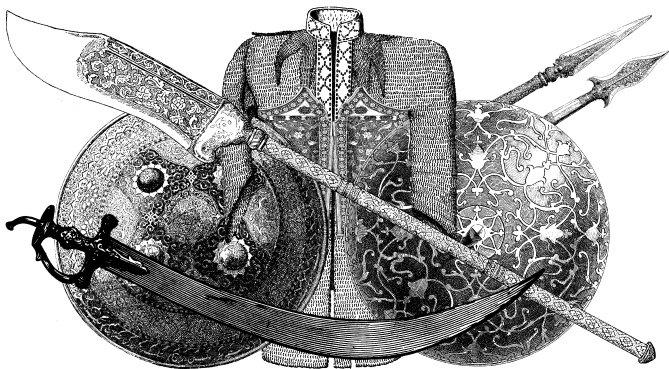
Четвертое. Следуй примеру четырех халифов правого пути; будь храбр, заботлив и щедр; всякое дело делай с особым вниманием. Следуй примеру птиц, которые с большим вниманием и осторожностью разбивают яйца, из которых вылупливаются цыплята».

Автобиография Тимура

[Путь из Самарканда в Хорасан]

Во время пути из Самарканда в Хорасан совершенно неожиданно ночью на меня напала тысяча всадников. Со своими шестидесятью богадурами я одолел врагов. Шестьсот человек сложили свои головы в этом кровопролитном бою. Потом у меня было единоборство с Тугуль-богадуром, и я одолел его: богадур раскаялся в том, что напал на меня.

Я отправился далее в Хорасан, но меня неожиданно захватил в плен хан Али-бег Джаны-Курбаны. Два месяца томился я в кишевшей паразитами темнице. Наконец мне удалось выбрать удобное время и бежать из тюрьмы. Я вооружился мечом, дерзко прошел мимо своих караульных: никто из них из страха не решился преградить мне дорогу. Прямо из темницы, вооруженный мечом, я пошел к хану Али-бегу Джаны-Курбаны. Как раз в это время хан получил письмо от своего брата, Мухаммед-бега Джаны-Курбаны. Он писал, что в случае, если Тимур посетит страну, подвластную Али-бегу, следует принять его с надлежащим почетом и уважением. Али-бег Джаны-Курбаны прочитал письмо, увидал меня перед собой и просил меня простить его за то, что он, не зная, кто я, так жестоко обошелся со мной.

[Встреча Тимура со звездочетом]⁷⁸

Пришлось мне однажды встретиться со звездочетом; он установил положение звезд и решил, что моя судьба находится под влиянием звезды Джадда⁷⁹. «Это говорит о совершенстве, долгой жизни, славе и могуществе», — сказал мне звездочет.

— Когда твоя судьба будет зависеть от положения звезды Зухаль, ты превзойдешь остальных правителей и одолеешь всех своих врагов. Когда Солнце достигнет своего четвертого дома — созвездия Овна⁸⁰, — ты овладеешь престолом великого хана, придашь блеск своему царству и обеспечишь победу вере Посланника Аллаха. Когда звезда Муштари придет в пятый дом⁸¹, потомство твое умножится, слава о правлении твоего потомства будет жить во всем мире. Звезда Муштари

Автобиография Тимура

покровительствует соблюдающим шариат. Если твои потомки будут руководствоваться в своих делах правилами шариата, их величие будет расти; если, наоборот, они будут действовать против шариата, — величие их быстро рассеется.

[Сон амира Тарагая, отца Тимура]

В молодости я слышал от своего отца, амира Тарагая, рассказ об удивительном сне, который ему привиделся.

— Однажды я увидел во сне, что ко мне подошел красивый молодой человек, похожий лицом на араба, и вручил мне меч⁸²; я взял меч в руки и стал размахивать им по воздуху; блеск стального клинка осветил весь мир.

Я просил амира Куляля объяснить этот сон. Амир Куляль сказал мне, что сон этот пророческий, что Аллах пошлет мне сына, которому суждено овладеть всем миром, обратить всех в ислам, освободить землю от яда новшеств и заблуждений.

Сон, действительно, исполнился: в 733 году [хиджры] Аллаха дал мне тебя, сын мой. Как только ты появился на свет, я отнес тебя к шейху Шамс-эд-дину.

Когда я пришел, шейх читал Коран и остановился на следующих словах: «Неужели не опасаетесь, что тот, кто на небе, может велеть земле поглотить вас; она уже колеблется» (*Коран, XVII сура, 16 аят*).

Так как в этом аяте Корана встречается слово «Тамурру»⁸³, то мы и нарекли тебе имя Тимур.

Я выслушал рассказ своего отца Тарагая, как, при каких обстоятельствах мне дано было имя, узнал, что это имя заим-

Тамерлан

ствовано из Корана, принес хвалу Аллаху и прочитал суру Корана, озаглавленную «Табарак».

[Пророчества о владычестве Тимура над миром]

Однажды я видел во сне, будто я закинул невод в большую реку; невод охватил всю реку, и я посредством него вытащил на берег одновременно всех рыб и животных, населяющих воды. Толкователи объявили этот сон предвещающим великое и славное царствование, настолько славное, что все народы мира подчинятся мне.

По совету шейха Камалы, я отправился к сайиду Кулялю; сайид при встрече поздравил меня со вступлением на престол великого хана, который я должен передать своему потомству. После таких слов уважаемого сайида Куляля я пришел в великую радость и стал стремиться к тому, чтобы овладеть всем миром.

[Сверхъестественные удачи Тимура]

Однажды я встретился с военачальником страны Джете⁸⁴, амиром Сайид-Байгубаром. Этот амир с шестью тысячами всадников напал на меня на берегу реки Балх⁸⁵. У меня в это время было всего-навсего около тысячи всадников. У моего противника было так много войска, что все мои воины, как только увидели его, упали духом — как я заметил. Но удивительное счастье выручило меня: амиры Джагуй-Барлас⁸⁶,

Автобиография Тимура

Ингу-Тимур, Муса и Сулейман неожиданно прислали мне в помощь еще тысячу всадников. При такой поддержке мне удалось наголову разбить войска амира Сайид-Байгубара.

Ильяс-Ходжа, сын хакана Туклук-Тимура, с тридцатью тысячами всадников перешел каменный мост⁸⁷ и разбил шатер. У меня было в это время всего-навсего только шесть тысяч всадников, да и те пришли в уныние: на стороне врагов был громадный, пятикратный перевес в силах. Мне опять удивительно повезло: как раз в это самое время пришел отряд от хорасанских сайидов, которые жили в Термезе; отряд поспешно присоединился к моим воинам. Хорасанцы сумели поднять дух моих воинов, которые быстро освободились от гнетущего страха перед вдесятеро сильнейшим неприятелем.

Я вступил в бой с Ильяс-Ходжой и одержал над ним решительную победу. Еще перед сражением, когда я расположился в виду войск Ильяс-Ходжи и приготовился вступить в бой, пришло время намаза, и я стал на молитву. Когда я сделал поклон до земли, то услышал чей-то голос, сказавший: «Тимур, тебе дарована победа!»

Я поднял голову, осмотрелся: подле меня никого не было. Я понял тогда, что слышал голос из «мира тайн», и принес Аллаху благодарность за помощь.

Я пошел походом на Персию. Совершенно неожиданно шах Мансур с пятью тысячами всадников напал на меня. Я велел поскорее собрать воинов, вооруженных пиками, чтобы отразить натиск врага; таких воинов, к моему великому горю, совершенно не оказалось. Помощь мне явилась оттуда, откуда

Тамерлан

я и ждать не мог: всадник, похожий лицом на араба, вооруженный пикой, прискакал с криком:

— Аллах, дай победу Тимуру!

Шах Мансур, перепуганный криком незнакомца, без чувств свалился с коня; его поднял на своего коня и увез шах Рух⁸⁸. Всадник, который так неожиданно явился ко мне на помощь, исчез неведомо куда.

Я овладел столицей Персии; я потребовал от амира Хусайна сдачи крепостей Шадман, Балха и Бадакшан. Одновременно досточтимый шейх Заин-эд-дин Абу-Бекр Тайабади прислал мне письмо; он писал, что ключи Хорасана тоже вручены мне. Такая новость дала мне полную уверенность, что мое предприятие — овладеть Персией — кончится полной удачей⁸⁹.

[Хызр оказывает помощь Тимуру]

В 837 году [хиджры]⁹⁰ я перешел Джайхун и овладел Гиас-эд-дином и Кентом, а также всеми драгоценностями и добром, какие там были. Как сообщил мне сайид Мухаммед-Гису-Дараз, амир Сайид-Али велел передать мне, что сам Хызр окажет мне помощь.

Когда Хызр⁹¹ являлся в Самарканде, мне суждено было увидеть его чудеса; он сказал мне несколько неприятных слов⁹²; мне невыразимо горько было их слышать. Уезжая из Самарканды, я был в сильном смущении, что своей обидой на слова Хызра я огорчил его самого.

Автобиография Тимура

Но теперь, когда пришла весть от амира Сайид-Али, я успокоился; я понял, что Хызра никогда не мог оскорбить обыкновенный смертный вроде меня.

[Тимур распространяет ислам]

Я разрушал до основания капища⁹³, где местные жители поклонялись своим идолам, и распространял веру Посланника Аллаха (ислам). Самое большое капище было у Тугульбогадура. Когда я решил разрушить капище, ко мне обратились брамины, принесли в дар много золота⁹⁴ и просили пощадить их святилище. Я не обратил внимания на просьбы и приказал прогнать их. В капище было много идолов и рядом — статуя человека. Я приказал разбить эту статую, но один из браминов упорно просил меня оставить в неприкосновенности статую очень чтимого язычниками великого чудотворца. Брамин говорил, что этот чудотворец имел такую силу, что в одну ночь мог иметь совокупление с тысячью шестьюстами женщинами. Я ответил брамину, что шайтан⁹⁵ еще сильнее их чудотворца, потому что он может в одну ночь совокупиться с бесчисленным количеством женщин.

[Вещие сны Тимура]

При начале всякого дела я неизменно вверял себя воле Аллаха и не интересовался, соответствует ли данный момент началу задуманного мною дела. Однако звездочеты находили всякий раз, что любое свое дело я предпринимал как раз в такое время, которое соответствовало данному делу по расположению звезд.

Исход всякого трудного дела, какое только я ни предпринимал, мне был заранее известен: я узнавал грядущее по сновидениям.

Так, когда хакан Туклук-Тимур впервые пришел в Мавераннахр, я увидел во сне, будто ко мне подлетела птица шагин (сокол) и уселась мне на руку: в это время подошло много коров, и я их подоил. Мне объяснили, что этот сон предвещает мне счастье: птица, усевшаяся мне на руку, означает

Автобиография Тимура

могущество, а множество коров предвещали многие выгоды для меня. И действительно, сон мой сбылся: я присоединился к хакану Туклук-Тимуру и получил от него много милостей.

Амир Хусайн, внук амира Казгана⁶, из Кабула пришел отобрать земли, принадлежавшие его отцу. В свое время я оказал ему большую помощь; он тем не менее решил убить меня, хотя его сестра была моей женой (то есть мы были родственниками); чтобы примирить его с собой, я сделал его наместником Балха; вышло иначе, чем я предполагал: он не только не перестал враждовать со мной, а наоборот, почувствовал свою силу и задумал воевать со мной. Я тоже стал готовиться к борьбе с амиром Хусайном. Во время приготовлений я видел сон, будто амир Хусайн на серебряном блюде принес мне меч, клинок которого был сплошь облеплен мухами. Этот сон мне истолковали так: я получу помощь от имама Хусайна, потомка Посланника Аллаха. По толкованию, величие амира Хусайна должно было перейти ко мне, а его самого мне суждено было убить. Все сбылось со временем. Я выразил благодарность за помощь мне потомку Посланника Аллаха посредством паломничества на священную могилу имама Рузи.

Однажды во время бегства из Самарканда я увидел себя во сне плачущим; черный ворон сел мне на плечо, и рой мух со всех сторон слетался ко мне. Я отогнал мух и проснулся в самом дурном расположении духа. В это самое время Тугульбогадур напал на меня с тысячью всадников. Я понял, что мой плач во сне и черный ворон означали предстоящее мне горе, а множество слетевшихся мух — войско Тугульбогадура, ко-

Тамерлан

торое мне суждено было победить. Сон сбылся: вскоре я вступил в бой с войсками Тугуль-богадура и разбил их наголову.

Когда я отправился в Балх, мне приснился сон, будто мне поднесли несколько сосудов для вина, а я их разбил, ударяя одним сосудом по остальным. Меч свой я увидел иззубренным и счел это за дурное предзнаменование. Шах Персии Мансур напал на меня с пятью тысячами всадников; я одержал над ним полную победу и рассеял всех его воинов; остатки бежали в страну кипчаков.

Однажды Тохтамыш-хан⁹⁷, позабыв нашу дружбу, все услуги, какие я ему оказал в разное время, с громадным войском пришел воевать со мной. Я пытался усовестить его, написал письмо, где просил оставить зло на меня, вспомнить все хорошее, что я ему когда-то делал, и грозил жестокой местью за неблагодарность. Мне приснилось в это время, будто луч солнца с востока упал мне на голову, а потом как бы потух и исчез. Толкователи снов объяснили мне, что луч солнца с востока и его исчезновение означают нашествие Тохтамыш-хана и полное его поражение в борьбе со мной. Так и сбылось.

Когда я двигался в сторону Ирака⁹⁸, мне приснился сон, будто ко мне пришло множество львов и скорпионов. Через день амиры этой страны явились ко мне с изъявлением покорности, и я овладел всем Ираком.

Собираясь в поход в Индустан⁹⁹, вижу себя во сне в роскошном саду, полном деревьев, обремененных плодами. Птицы в ветвях деревьев свили множество гнезд. Я взял пращу и разорил все эти гнезда. Толкователи объяснили мне, что сон

Автобиография Тимура

предвещает полную удачу моего похода на Индустан. Сон вполне сбылся: я овладел Индустаном и разорил там множество городов.

Когда я двинулся с войском в Сирию¹⁰⁰, против меня соединились войска Сирии, Египта и Турции. Казалось очень трудным воевать против воинов могущественных султанов. Я прочел «салат» и лег спать. Во сне я увидел, что я восхожу на высокую гору. Над моей головой нависли свинцовые тучи, меня окутала мгла тумана. Однако скоро тучи разразились сильнейшим ливнем, а туман после дождя рассеялся. Толкователи объяснили, что этот сон предвещает мне полную победу над всеми врагами.

— Гора, — объясняли мне, — это столица Сирии — цель твоего похода; тучи и туман — воины твоих врагов, а дождь — это твои воины. Как дождь, выпав, рассеял тучи и туман, так и твои войны, обрушившись на полчища врага, рассеют их.

Этот сон сбылся в точности: мои войска разбили и рассеяли бесчисленные полчища сильнейших врагов.

Однажды, когда у меня было всего-навсего сто тысяч войска, на меня напал Кайсар¹⁰¹, царь Рума, с четырехсоттысячным войском. Я предал себя воле Посланника Аллаха, прочитал «салат» и лег спать. Мне снилось, будто я нахожусь в пустыне, вокруг меня множество народа, а вдали виднеется свет. Я поспешил по направлению к свету. По дороге я увидел три кучки золы и поехал дальше; скоро я догнал пятерых мужчин, которые шли впереди меня. Вдруг поднялась сильная буря; один из пятерых мужчин, шедших по дороге, объяснил

Тамерлан

мне, что означает эта буря: это Посланник Аллаха восходил на небо. Я подошел и, к великому счастью, мог поклониться Посланнику Аллаха. У одного из пятерых мужчин, повстречавшихся мне по дороге, был в руках батик¹⁰²; по повелению Мухаммеда я вынул его из рук этого человека и взял себе. Проснулся я радостный, что видел во сне самого Посланника Аллаха и получил от него такие знаки внимания. В этот же день рано утром я вступил в бой с Кайсаром: подняв белое знамя, я привел в полный беспорядок и разогнал все его войско.

Во время сражения я очень устал и почувствовал себя крайне нездоровым. Мысли о смерти пришли мне в голову; забота отягощала мое сердце: что будет с моим царством в случае моей смерти, кого из моих сыновей следует назначить преемником? Посланник Аллаха успокоил меня, открыв, что семьдесят поколений моих потомков будут правителями. Я увидел сон, будто нахожусь под деревом, которое раскинуло надо мной свои густые ветви¹⁰³ и защищало меня от солнечных лучей; среди ветвей шумели различные птицы и насекомые; все они ели плоды тенистого дерева, под сенью которого я отдыхал; я сам попробовал плодов: одни из них оказались сладкими, другие — кислыми. Во сне я услышал таинственный голос, сказавший мне, что дерево, которое я видел, — это мое потомство. Когда я проснулся, толкователи объяснили мой сон таким образом:

— Дерево — это ты, ветви с листьями — твоё потомство, а птицы и насекомые, евшие плоды с дерева, — подвластные тебе народы, которые получают от тебя щедрые и обильные блага.

Автобиография Тимура

Однажды, озабоченный своими делами, я заснул и вижу во сне, будто меня со всех сторон окружают ужасные фигуры джиннов¹⁰⁴, свиней, безобразных мужчин и отвратительных женщин, диких зверей и птиц. Я проснулся в ужасе и немедленно написал письмо моему духовному руководителю, шейху Заин-эд-дину Абу-Бекру Тайабади. Скоро я получил от шейха ответ:

«Ужасные фигуры, которые ты видел во сне, — это твои нехорошие дела; тебе нужно покаяться во всем зле, какое только ты учинил».

Я немедленно исполнил совет почтенного старца, и скоро мне приснился сон, совершенно непохожий на тот ужасный, виденный мною прежде. На этот раз я увидел, будто отдыхаю в роскошном саду¹⁰⁵; там всевозможные великолепные цветы, различные фруктовые деревья, посреди сада протекают большие реки, мой слух ласкают нежные звуки музыки.

Я снова написал письмо уважаемому шейху Заин-эд-дину Абу-Бекру Тайабади. Скоро пришел и ответ от шейха: он писал, что я видел очень хороший сон, что мое раскаяние¹⁰⁶ принял Аллах и простил мне все нехорошие дела.

Посланник Аллаха сказал, что к каждому человеку приставлен джинн (злой гений), который наблюдает за его поступками, подстрекает его к дурным делам; раскаянием в злых делах ты одолел своего джинна; всякому правоверному следует раскаянием и делами добрыми с помощью Аллаха преодолевать силу своего джинна.

Когда я собирался в поход из Самарканда в Китай¹⁰⁷, мне приснилось, будто я с ветвей большого дерева слез на землю;

Тамерлан

на голове у меня была чашка с водой, которая при этом упала, и вода разлилась; в это время мой отец, амир Тарагай, взял у меня из рук лошадь и повел меня в сад; там он меня оставил, а сам исчез неведомо куда. Толкователи дали объяснение привидевшемуся мне сну, но я не поверил им и положился всецело на волю Аллаха.

В это же время я видел и другой сон: будто я заблудился в пустыне, где были дикие звери; я прошел пустыню и попал в сад: там было множество разнообразных плодов и музыкальные инструменты; в саду же находился и громадный трон; около трона стояла высокая башня, а на вершине башни сидели какие-то люди: перед каждым из них лежала книга, и они что-то вписывали перьями в эти книги¹⁰⁸. Я спросил у них, что они пишут, и получил в ответ, что их дело вести запись тому, что должно случиться в жизни с каждым человеком. Я заинтересовался и стал их спрашивать о том, кто записывает события моей грядущей жизни, но тут внезапно проснулся, сильно встревоженный сновидением.

Когда я овладел Персией, жители Шираза¹⁰⁹ при содействии шаха Мансура убили мною поставленного там наместника. Я приказал тогда истребить всех жителей Шираза. Ко мне пришел сайид Джамиль-уль-Кадыр и просил помиловать ширазцев; я не обратил внимания на заступничество сайида.

В следующую же ночь я увидел во сне Посланника Аллаха, который сурово сказал мне:

— Тимур! Ты не уважил просьбы моего потомка и не помиловал населения Шираза, а разве ты сам не нуждаешься в моем ходатайстве?

Автобиография Тимура

Я проснулся в страхе, что навлек на себя гнев Посланника Аллаха.

Я сейчас же отправился к сайиду Джамиль-уль-Кадыру и просил простить меня за то, что я не исполнил его просьбы. Я не только помиловал жителей Шираза, но и послал им богатые подарки, а Махмуд-Ходже пожаловал страну Мегриджан. Я теперь хорошо понял, что следует беспрекословно исполнять все, что скажут сайиды, оказывать всевозможное почтение всем потомкам Посланника Аллаха, в моем сердце укрепились пламенная любовь к потомству Посланника Аллаха.

Обо всем, что случилось, и виденном мною во сне я немедленно написал в письме почтенному шейху Заин-эд-дину Абу-Бекру Тайябади и скоро получил от него ответ следующего содержания:

«Пусть Аллах пошлет тебе все, что ты ни попросишь.

Внуши своим детям, что милость Посланника Аллаха необходима каждому человеку, от самого великого до самого презренного.

Любовь и почтение к сайидам — залог спасения в этом и будущем мире. Всякий раз, когда становишься на пятикратную молитву, воздай прежде благословение сайидам, чтобы твой намаз был угоден Аллаху.

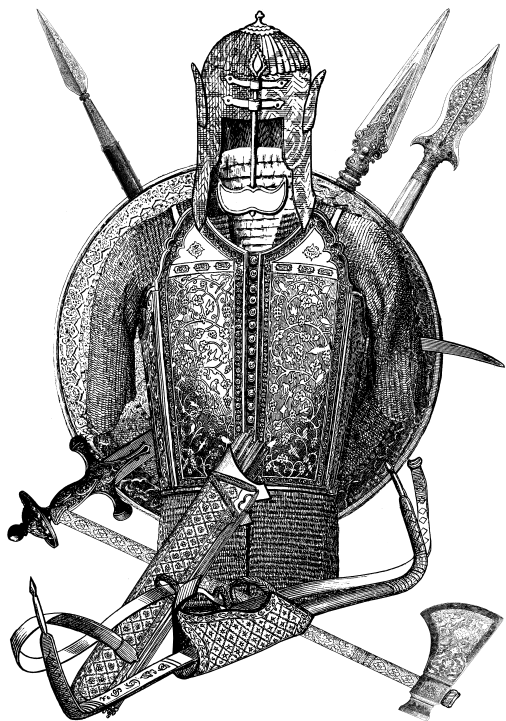
Если ты будешь исполнять все это, ты можешь надеяться на награду в будущей жизни.

Оказывай больше внимания и почтения потомкам Посланника Аллаха».

Тамерлан

[Вещий сон амира Тарагая, отца Тимура]

Отец мой, амир Тарагай, рассказывал мне, что еще до моего рождения он видел однажды во сне, будто ему вручили меч, блеском которого озарился весь мир; из рук его поднялись пары, обратившиеся в воздухе в капли, которые и упали на землю дождем. Толкователи объяснили моему отцу его сон так: его потомки будут правителями; между остальными детьми у него родится сын, который силою оружия подчинит себе весь мир; все народы мира будут ему подвластны. Сон сбылся: вслед за этим сном родился я.

Мне исполнилось семь лет¹¹⁰

Меня отдали в школу, где вручили табличку слогов;
я скоро выучился читать и радовался своим успехам.